

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпуски III и IV

ГОДЪ ПЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12

1895

Дѣвушка, такимъ образомъ, мѣняетъ прежнюю жизнь, вступаетъ въ супружество, оставляетъ навсегда свою бѣлую вольную волюшку и вступаетъ подѣ власть темной тяжелой воли мужа.

Н. Лысковъ.

Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края.

(Отчетъ о поѣздѣ 1894 г.).

Весной 1894 г., при моемъ отправленіи въ Сибирь, Академія Наукъ поручила мнѣ заняться въ Минусинскомъ краѣ Енисейской губ. собираніемъ этнографическихъ предметовъ и древностей¹⁾. Отъ акад. В. В. Радлова я получилъ на этотъ счетъ нѣкоторыя указанія и совѣты. По пріѣздѣ въ Минусинскъ, я воспользовался также опытомъ и дѣльными совѣтами завѣдующаго Минусинскимъ музеемъ Н. М. Мартянова. Помѣстился я въ Усть-Абаканской Инородной управѣ (17 верстъ отъ города), откуда и устраивалъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки въ степь. Крайнимъ пунктомъ на ЮЗ было с. Усть-Есинское, населенное почти совершенно обрусѣвшими инородцами; на З—улусъ Синявинскій на р. Нинѣ; на СЗ—оз. Шира. Благодаря содѣйствию мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, изъ которыхъ я долженъ упомянуть г. Бѣликова, улуснаго писаря въ Абаканской Управѣ, г. Тютюбѣва, родомъ дальне-Каргинца, улуснаго писаря въ с. Аскыскомъ и священника С. Дм. Масленникова, мнѣ удалось посѣтить много инородческихъ улусовъ, пріобрѣсть почти полную коллекцію этнографическихъ предметовъ и снять до 100 фотографій типовъ, группъ, сценъ и видовъ мѣстностей, наиболѣе замѣчательныхъ въ этнографическомъ или археологическомъ отношеніяхъ (я имѣлъ стативный аппаратъ 12.16 и камеру «Delta» Крюгинера). Наиболѣе фотографій и этнографическихъ предметовъ добыто среди качинцевъ, какъ племени наиболѣе удѣлѣвшаго отъ русскаго вліянія.

Я не собираюсь писать полнаго этнографическаго очерка качинцевъ, да это и невозможно при недостаточномъ количествѣ матеріала, собраннаго до

¹⁾ Въ 1893 г. я уже доставилъ Антропологическому Музею Академіи коллекцію древностей, собранную мною вмѣстѣ съ братомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Красноярскому и Минусинскому округамъ.

настоящаго времени объ этихъ инородцахъ; я предполагаю только внести въ общую сокровищницу то, что мнѣ самому удалось подмѣтить за короткое время пребыванія въ степи и исправить нѣкоторыя неточности, замѣченныя мною въ прежнихъ сообщеніяхъ.

О качинцахъ кромѣ трудовъ и замѣтокъ прежнихъ изслѣдователей, перечисленныхъ Г. Н. Потанинымъ въ предисловіи къ статьѣ гг. Каратанова и Попова «Качинскіе татары Минусинскаго окр.» (т. XX, вып. 6, 1884 г. Изв. И. Р. Геогр. Общ.)—Pallas, Castrén, Radloff (Proben), Титовъ и кн. Костровъ, мы находимъ Радлова же «Ethnographische Uebersicht», 1883 г. и «Aus Sibirien», 1884 г.¹⁾; Катанова (Замѣчанія о богатырскихъ поэмахъ тюрковъ Минусинскаго округа, Спб. 1885 г.); Аргунова (Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края, Казань 1892 г.); статьи сельскихъ учителей въ «Восточномъ Обзорѣни», «Сибирскомъ Вѣстникѣ», «Енисеѣ» и какъ самое полное—упомянутую статью въ XX т. Изв. Г. Общ. Затѣмъ—изрядное количество миссіонерскихъ статей въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и «Енисейскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (см. подробнѣе въ Сибирской Библиографіи Межова и у Н. Θ. Катанова — Сборникъ Восточнаго Обозр. за 1887 г.). Но надо замѣтить, что г. Каратановъ жилъ въ с. Аскыскомъ и наблюдалъ исключительно инородцевъ Степной Думы, ихъ онъ только и описываетъ. Хотя качинцы по образу жизни и близко стоятъ къ сагайцамъ, бѣлтирамъ и т. д.; но не въ такой степени, чтобы всё, что относится до послѣднихъ, приурочить исключительно къ первымъ. Итакъ очеркъ г. Каратанова нужно назвать: «Черты внѣшняго быта инородцевъ Степной Думы».

Я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ качинцевъ, гдѣ придется касаться и прочихъ племенъ, стану отмѣчать; затѣмъ я отброшу какъ неточный и запутанный терминъ «татары», какъ называютъ въ Минусинскомъ краѣ инородцевъ.

Происхожденіе качинцевъ.

Извѣстный по всей Качинской степи сказочникъ Аголь Тоборовъ (улусъ Тазминскій на р. Бирѣ) рассказывалъ мнѣ подъ монотонные звуки своего вѣмса: «Кучумъ, татарскій царь, командовалъ своимъ народомъ—та-

¹⁾ При знакомствѣ съ инородцами Минусинскаго края лучше руководиться не «Ethnographische Uebersicht», а «Aus Sibirien»—Bd. I, 207 S., такъ какъ здѣсь мы находимъ нѣкоторыя замѣненія сравнительно съ первымъ трудомъ и оригинальныя дополненія самаго автора.

тарами ¹⁾. Народъ живетъ безъ нужды, безъ заботы, подушной не знаетъ. Много лѣтъ, много времени живетъ онъ—горя не знаетъ; вдругъ пришелъ какой-то незнакомый народъ—пятьсотъ два человека. Кучумъ спрашиваетъ ихъ: «Вы откуда и что за народъ?» — Мы дальній народъ; ты какой народъ имѣешь?—Кучумъ говоритъ: «Самъ я татаринъ; народъ мой—татары». — Ты самъ, царь, скажи, какой расходъ ты имѣешь, подушную платишь ли?— «А вы сами скажите, какой вы таковой народъ, откуда вы пришли и какое вамъ дѣло до моей подушной?»—Мы, пятьсотъ человекъ, все—разбойники; имя мнѣ Ермакъ, а отецъ мой—Тимофей. Какъ, добромъ ли мириться будемъ съ тобой, или воеваться будемъ? Слушаешь ли мои совѣты?—Кучумъ боится—вѣдь пятьсотъ человекъ и все ѣздить въ стременахъ. «Я, говоритъ Кучумъ, по собачьи залаю — подать подушную буду платить государю Романскому». — Ты, говоритъ Ермакъ, свою подпись приложи. — «Я не умѣю—какъ напишу?»—Я тебя научу.—Три дня онъ его училъ; черновой Ермакъ самъ написалъ, а бѣловой Кучумъ переписалъ, что де онъ подчиняется государю.—Иванъ Кольцовъ! говоритъ Ермакъ, приложи и ты сюда свою руку. Теперь ты, Кучумъ, желалъ ли ты въ русское мѣсто подать платить?— «Желалъ...» — Есть ли у тебя конь-богатырь? — «Есть». — Какой шерсти? — «Рыжий», говоритъ.—Имай, говоритъ, его!—Поймалъ Кучумъ коня, серебряную узду надѣлъ.—Сѣдлай!—Осѣдлалъ въ серебряное сѣдло.—Садись, говоритъ Ермакъ Ивану Кольцову, поѣзжай! Двѣ бумаги далъ ему: одну—Кучумову, другую—свою; въ этой бумагѣ написалъ онъ, не проститъ ли царь его, онъ де нашелъ ему много тысячъ черноголовыхъ. Кольцовъ его спрашиваетъ, куда ему ѣхать.—Поѣзжай сперва въ Москву, самолично повидайся съ этими бумагами государю—онъ пересмотритъ. Кольцовъ ушелъ, сѣлъ да поѣхалъ... Простилъ государь Ермака: «Сколько онъ мнѣ народу нашелъ! Пущай бѣгаетъ—не бунтуетъ, принимаю его; пущай благополучно селится!» Кучума потребовали туда самолично, какой де такой царь. Приказалъ оружья его забрать (чѣдмах—лукъ, ѣк—стрѣла, какъ упоминается въ сказкѣ); если же хотятъ козовать (охотиться на козъ), выдавать имъ ружья. Кучумъ не хочетъ идти. Пришелъ оттуда народъ, чтобъ забрать его. Забрали Кучума, увезли въ кандалахъ черезъ Енисей, завязали глаза и утащили въ Москву. «Ты что же, Кучумъ, противишься, чего ширишься?» спрашиваетъ его царь, «вѣдь ты

¹⁾ Привожу разсказъ такъ, какъ мнѣ передалъ его Аголь въ переводѣ на русскій языкъ; но говорится ли про «татаръ» на языкѣ Качинцевъ, не знаю. По словамъ качинца Ив. Доможакова, въ сказкахъ первымъ княземъ считается «Кан'зà-Бихъ» и послѣднимъ «Ожян-Бихъ».

объщаль Ермаку быть подъ моей властью, чего же ты еще разговариваешь?» Кучумъ не зналъ, что сказать и молчалъ. Куда дѣвался Кучумъ — неизвѣстно, а мы и до сихъ поръ платимъ подати!» — такъ закончилъ свой рассказъ сказочникъ.

Мях. Ив. Райковъ ¹⁾ утверждаетъ, что на вопросъ, откуда они, гдѣ жили ихъ предки, качинцы отвѣчаютъ: «съ Тѣбыла». В. К. Радловъ указываетъ, что качинцы называютъ себя Кас (=Каш, Кач) и выясняетъ вопросъ объ ихъ происхожденіи, именно ихъ предки были подданными Кучума и пришли съ Иртыша на р. Качу; однако остается неяснымъ, даль-ли этотъ народъ имя рѣкѣ, или самъ получилъ отъ нея названіе. Теперь качинцы, какъ мнѣ пришлось слышать, называютъ себя также Кас; въ книгѣ г. Латкина объ Енисейской губерніи они названы «камляръ», но достоинство этого труда — извѣстно (я и не привелъ этой книги при перечисленіи литературы); «Kamlag» — одинъ изъ 10 родовъ Кизильцевъ, живущихъ въ Ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи (Ethnographische Uebersicht, 95).

Административное дѣленіе инородцевъ. Легенды.

Административное дѣленіе инородцевъ таково: «Абаканская Инородная Управа», управленіе коей находится въ селѣ того-же названія и «Аскысская Степная Дума соединенныхъ разнородныхъ племенъ», управленіе послѣдней — въ с. Аскысскомъ. Въ 1-ю категорію входятъ Качинцы, во вторую — 12 племенъ (официальныхъ — родовъ) съ 3 главными: Бэльтиры, какъ самое большое, затѣмъ — Сагайцы и Койбалы. Мнѣ сообщили 7 родовъ официального дѣленія Качинцевъ: 1) Шалошинъ 1-й половины ²⁾, 2) Шалошинъ 2-й половины, 3) Тубинскій (Tuba-nach Radloff), 4) Бирскій (по р. Бирѣ), 5) Тинскій (Tin), 6) Старо-Юссскій, 7) Бѣло-Юссскій и сюда-же причисляли еще и 8) — Койбало-Салбинскій; говорятъ, представителей этого послѣдняго рода всего 9 душъ, живущихъ по правой сторонѣ Енисея въ д. Салбинской. Насколько среди качинцевъ сохранились многочисленныя названія племенъ и родовъ, ихъ составившихъ, я не знаю; но надо полагать, эти прежнія названія годъ отъ году теряются. Мнѣ передавали, какъ общеизвѣстныя, 4 названія

¹⁾ М. И. Райковъ, родомъ качинецъ, бывший учитель въ Усть-Абаканской Управѣ, теперь же вольнослушатель С.-Петербургскаго Университета. Ему я обязанъ многими свѣдѣніями о качинцахъ, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

²⁾ По словамъ старосты этого рода: г. Райкова, у него числилось за 94 г. — 110 душъ мужск. пола и немного болѣе — женскаго.

изъ которыхъ съ тремя связаны легенды: Каскá или Каксáт, Бюрүт, Ар и Кыргыз. Остатки киргизовъ живутъ еще по р. Коксѣ, такъ — улусъ Арыштаевскій. Въ д. Утинской, по правой стороны Абакана, на Койбальской степи живутъ почти обрусѣвшіе Койбалы. По Кастрену (Reisebericht, S. 322), 3 рода Койбаловъ изъ 13 — енисейско-остяцкаго происхожденія; другіе три — самоѣдскаго, но какого остальные семь? Аринцы или Аринны, выводимые Кастреномъ ¹⁾ отъ тѣхъ-же такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ, въ его времени будто-бы совершенно ассимилировались съ тюрками и ихъ остатки жили въ одномъ улусѣ именемъ «Ара». Г. Пыпинъ (Исторія русской этнографіи, IV, 406) упрекаетъ Познякова, что имъ въ 1825 г. были отмѣчены на картѣ исчезнувшіе аринцы; но врядъ-ли такая помѣтка была неправильной, ибо еще и теперь, какъ передаютъ, остатки этого племени живутъ въ Бѣлоярскомъ улусѣ, по правой сторонѣ Абакана; но чуть-ли не одно только семейство — Таштандины; таштанды же значить на качинскомъ нарѣчьи — оставшіяся, отбросокъ.

Легенда о змѣяхъ, истребившихъ родъ аринцевъ, была записана еще историкомъ Миллеромъ (Сибирская Исторія, стр. 40), видѣвшимъ будто-бы послѣдняго человѣка, говорившаго на языкѣ аринскомъ; затѣмъ въ статьѣ г. Попова (Извѣстія, т. XX) та-же легенда приписывается Бѣлоіюсскому роду. Мнѣ пришлось слышать эту легенду въ Райковскомъ улусѣ (лѣвая сторона Абакана) и такъ какъ она разнится отъ редакціи г. Попова, то я и привожу еѣ:

«Къ инородцу изъ рода Ар, стоявшему на берегу Енисея, подошелъ змѣй и просилъ переправить его на другую сторону; инородецъ испугался и убѣжалъ. Подплываетъ къ берегу другой аринецъ и къ нему обращается змѣй съ просьбой; аринецъ струсилъ, но переправилъ змѣя на своей лодкѣ. Змѣй ему сказалъ на прощанье: «За то, что ты меня переправилъ, я тебя съ твоей семьей оставлю въ живыхъ, а остальныхъ аринцевъ прикончу. Иди домой и окружи свою юрту волосянымъ арканомъ, чтобы намъ тебя знать!» Инородецъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ змѣй со своими сподручными и уничтожилъ всѣхъ аринцевъ; остался живъ только переправившій со своей семьей. Ранѣе аринцевъ было много, а теперь ихъ совсѣмъ мало осталось», такъ заканчивается сказаніе.

Относительно Бюрүт и Каксáт разсказывается слѣдующая интересная легенда:

¹⁾ Ethnologische Vorlesungen, S. 87 und Reisebericht, S. 344.

«Нѣсколько человекъ изъ рода Бюрѹт и рода Каксѹт были отправлены послами къ царю—отнести подать. Родъ Каксѹт считался лѣнивымъ и нерадивымъ, а Бюрѹт былъ въ славѣ. Прежде, чѣмъ войти въ царскія жилища, Бюрѹт стали раскрашивать свое тѣло охрой, чтобы быть привлекательнѣе; Каксѹт-же подѣвились сдѣлать это. Занятые раскраской, Бюрѹт запоздали и получили выговоръ; Каксѹт-же похвалили. Съ той поры родъ Каксѹт находится въ бѣльшей славѣ». Подъ веселую руку теперешніе представители того и другого рода частенько препираются между собою, каждый выхваляя свой родъ ¹⁾).

Собственно-то говоря во всемъ этомъ сплетеніи различныхъ племенъ и родовъ много еще неясностей, распутать которыя въ большинствѣ врядъ-ли уже и представляется возможность; но всё же многое выяснено у г. Радлова (Aus Sibirien).

Территорія и населенность.

Мѣстность, занимаемая инородцами и слывущая въ Минусинскомъ краѣ подъ названіемъ степи, возвышенна и холмиста, безлѣсна (однако по окраинамъ она переходитъ въ мѣстности, богатая лѣсомъ и орошеніемъ и даже таежныя) и во многихъ частяхъ скудно орошена. По словамъ г. Клеменца (Древности Минусинскаго Музея, Томскъ 86 г.), она вся пересѣчена невысокими кряжами, отрогами главныхъ хребтовъ Саяновъ и Алатау; преобладающее направленіе этихъ горъ съ ЮЗ на СВ. Здѣсь напрасно было-бы искать тѣхъ ровныхъ пространствъ съ далекимъ горизонтомъ, съ которыми связывается обычное представленіе о степяхъ. Широкая долина между двухъ кряжей горъ, ложе которой нечувствительно поднимается по направленію къ высокимъ главнымъ хребтамъ—вотъ общій типъ степныхъ мѣстностей Минусинскаго края.

По оффиц. свѣдѣніямъ Памятной книжки Енисейской губерніи за 91 г. территорія, занимаемая инородцами, равна 14283 кв. в., т. е. немного болѣе Варшавской губерніи. Изъ нихъ 7 тысячъ кв. в. принадлежитъ Акысской Степной Думѣ и 7283 кв. в.—Абакинской Управѣ. Однако эти цифры далеко не точны: такъ инородцы Степной Думы живутъ далеко за предѣлами Енисейской губерніи и занимаютъ площадь, болѣе 7 тысячъ кв. в.; граница между тѣми и другими также не опредѣлена съ достаточной

¹⁾ Легенда записана со словъ М. И Райкова, которому приходилось присутствовать при этихъ препирательствахъ. Его отецъ причисляетъ себя къ роду Бюрѹт.

точностью. По этому случаю рассказываютъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ (не менѣе 15—20) землемѣръ Ведерниковъ, присланный изъ Красноярска, проводилъ границу между качинцами и племенами Степной Думы. Иностранцы уже ранѣе пришли къ обоюдному соглашенію относительно своихъ владѣній; но землемѣръ постоянно пытался отклониться отъ намѣченной черты, и тогда тѣ, для которыхъ это было не выгодно, угощали его и подносили ему подарки. Близъ улуса Усть-Сайгачи (СЗ) онъ направился вправо, и тогда Качинцы принуждены были ему подарить лучшаго молодого жеребца. Но мало объѣзженная лошадь сбросила съ себя пьянаго сѣдока—и онъ здѣсь же и скончался; послѣ же Ведерникова еще не пытались окончить его работу. Сравнительно недавно другой землемѣръ отдѣлялъ Томскую губернію отъ Енисейской, но такъ какъ ни съ русскими, ни съ иностранцами въ рядѣ не сошелся, то, по рассказамъ, на зло часть территоріи, занятой племенами Степной Думы и относящейся въ Минусинскому округу, выдѣлилъ къ Томской губерніи; казачье же село Таштыкъ раздѣлилъ на двѣ части, изъ коихъ лѣвая принадлежитъ Томской губерніи.

Вопросъ о количествѣ иностранцевъ является однимъ изъ самыхъ тѣмныхъ. Но, надо думать, иностранческимъ старшинамъ и родовымъ старостамъ онъ извѣстенъ съ приблизительною точностью; однако для нихъ, какъ увидимъ въ главѣ о податяхъ, не выгодно дѣлиться своими свѣдѣніями.

По сообщеннымъ мнѣ официальнымъ свѣдѣніямъ за 92 г., вѣдомство Абакинской Иностранческой Управы насчитывало въ 99 населенныхъ пунктахъ 10877 человекъ обоого пола, вѣдомство Аскысской Степной Думы въ 60 населенныхъ пунктахъ 15519 человекъ обоого пола. Въ Памятной же книгѣ Енисейской губерніи за 1891 г. численность иностранцевъ опредѣлена слѣдующимъ образомъ:

осѣдлыхъ—1911 м. и 1948 ж.

кочующихъ—13030 м. и 12750 ж., слѣдовательно всего до 30 тысячъ, тогда какъ первыя цифры даютъ лишь 26.396. Такая разница можетъ быть объяснена только тѣмъ, что въ послѣднее число не вошли разные бродячіе иностранцы, проживающіе на золотыхъ приискахъ, на звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, а также и переселившіеся въ крестьянскія села Минусинскаго и другихъ округовъ.

По словамъ г. Аргунова (Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края), провереннымъ отчасти и мною, болѣе всего живетъ иностранцевъ по р. Абакану и его многочисленнымъ притокамъ, именно до 83%; затѣмъ по р. Бѣлому Юсу—болѣе 11% и наконецъ—по рр. Биджѣ и Коксѣ и по самому Енисею.

Въ 1847 г. Кастрень опредѣлялъ численность качинцевъ въ 9430 душъ об. п. Такимъ образомъ, принимая оффиц. цифру за 1892 г., находимъ, что населеніе возрастаетъ незначительно. Затѣмъ изъ выше приведенныхъ свѣдѣній вытекаетъ, что качинцы, будучи менѣе по количеству, имѣютъ большее число населенныхъ пунктовъ, чѣмъ прочія племена вмѣстѣ, что объясняется ихъ почти исключительнымъ занятіемъ — скотоводствомъ, требующимъ болѣе простора.

Внѣшняя характеристика и соматическія измѣренія.

Изъ имѣющихся у меня портретовъ сагайцевъ есть 4, принимаемые на первый взглядъ за великорусскіе типы; однако здѣсь самое важное отличіе — совершенно черный цвѣтъ волосъ, прямыхъ и жесткихъ, и желтый цвѣтъ лица, чего не встрѣтишь у типичнаго великоросса. Не смотря почти на 200 лѣтнее близкое сожителство, сагайцамъ все же, повидимому, удается отстать свою индивидуальность отъ качинцевъ, племени болѣе многочисленнаго и болѣе энергичнаго. Въ концѣ моихъ развѣздовъ по улусамъ я часто безошибочно отличалъ сагайца отъ качинцевъ.

При опредѣленіи типа, я руководился столько же отличительными чертами лица, сколько и его выраженіемъ. Какъ мнѣ кажется, черты лица сагайца мягче и тоньше, глаза — большіе и вообще лицо его какъ будто болѣе культурно, болѣе привѣтливо. Наоборотъ — типичный качинецъ обладаетъ широкимъ, скуластымъ лицомъ, плоскимъ носомъ, узкими глазами и рѣзкими, какъ бы еще нетронутыми никакой культурой, чертами лица. Между этими двумя противоположностями встрѣчается масса переходовъ. Теперешній казанскій проф. г. Катановъ, насколько я знаю, по матери — качинецъ, а по отцу — сагай; однако обладаетъ типичнѣйшими чертами лица, свойственными качинцу. При ближайшемъ знакомствѣ, вы находите сагайцевъ и бѣлтировъ симпатичнѣе и радушнѣе, качинецъ же кажется вамъ человѣкомъ «себѣ на умѣ». Однако эти соображенія могутъ имѣть только нѣкоторое значеніе при болѣе серьезныхъ, далеко еще не законченныхъ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ и еще не начатыхъ — антропологическихъ. Съ своей стороны приведу таблицу измѣреній, по методу, принятому проф. Петри¹⁾, надъ качинскими черепами, добытыми мною изъ могилъ качинской степи.

¹⁾ Э. Петри. Антропология, Спб. 1895 г., т. II, Соматическая антропология.

№№	Передне-задній діаметръ.	Поперечный діаметръ.	Діаметръ высоты.	Гориз. обхватъ головы.	Сакит. обхватъ головы.	Верг. обхватъ головы.	Высота лба (приблизит.).	Ширина лба (наименьшая).	Длина лица.	Ширина лица (наибольшая).	Глазницы (правыя).		Длина носа.	Ширина нижней челюсти.	3 перв. измѣренія—крупнѣе. 3 слѣд.—измѣрит. лентой. Остальн.—скольз. ц. Мѣры въ сантиметрахъ.
											Верг. діам.	Горизонт. діам.			
1	17,7	13	12,9	60	30	32	5,4	9,2	—	11,2	3,6	3,4	3,1	8,7	Черепъ наход. въ Сиб. біолог. Муз. проф. Лесгафта.
2	17	13,9	13,4	50	29,5	34,5	6,2	9,3	—	11,6	3,6	3,7	3	10,8	Въ антрополог. Муз. Ак. Наукъ.
3	17,7	13	13	51,5	29,3	32,5	6	9,6	6,9	11,4	3,2	3,8	2	10,1	Въ Музеѣ проф. П. Ф. Лесгафта.
4	16,3	12,9	12,4	47,5	27	32	5,4	8,8	—	10,6	3,6	3,6	2,3	9	Тамъ же.
5	17,1	14	13,4	51	29	34,5	5,3	9,3	7,7	11,3	3,6	4	2,2	10	Тамъ же.
6	17,4	14	13,9	51,5	30	35	6,8	9	7,5	10,3	3,8	3,7	2,9	10,1	Тамъ же.
7	18,1	12,4	12,8	51,5	29,5	33	6,5	9,6	7,1	11	3,4	3,8	2,9	—	Тамъ же.
8	18,1	13,8	12	53	32	34	5,9	10,1	—	11,8	3,6	3,9	2,8	10,5	Въ М. Ак. Н.
9	16,3	13,2	13,3	48	30	34	5,8	9,1	—	10,2	3,1	3,4	—	—	Тамъ же.
	19	14,5	14,9	58	35	39	6,9	10,7	12 отъ перен. до низа н. чел.	11,3	3,9	3,8	?	11,6	М. И. Райковъ, Качинцевъ 30лѣтъ.

До свѣдѣнія антрополога, будущаго изслѣдователя качинцевъ, довожу, что въ Красноярскомъ Музеѣ онъ можетъ найти еще 5 череповъ, добытыхъ мною въ 1892 году. Затѣмъ нѣсколькими черепами владѣеть Минусинскій Музей. Однако, чтобъ сдѣлать выводъ, болѣе или менѣе заслуживающій вниманія, нельзя будетъ ограничиться изслѣдованіемъ этихъ 20—30 череповъ, а необходимо обследовать, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{10}$ всѣхъ качинцевъ. По Велькеру, не издавшему, вѣроятно, сибирскихъ тюрковъ (киргизовъ, якутовъ, минусинскихъ инородцевъ, алтайцевъ и т. д.), средній индексъ ширины для тюрковъ вообще данъ—83,3 (Пешель. Народовѣдѣніе). Въ приведенной таблицѣ наибольшій индексъ имѣетъ черепъ № 5, именно—81,8; съ другой стороны—черепъ № 7 обладаетъ наименьшимъ индексомъ ширины—68,5, что требуетъ, однако, болѣе подробнаго обследованія этого черепа.

Занятія инородцевъ. Искусственное орошеніе полей.

Главное занятіе качинцевъ или скорѣе исключительное — скотоводство и всѣ вытекающія изъ него побочныя занятія; но собственно главное занятіе мужчинъ — это бражничанье въ теченіе круглаго года. У качинцевъ, какъ, говорилъ одинъ бѣдный койбаль Кастрену, круглый годъ водится ай-ракъ и вумысъ и скоть кишитъ, какъ муравьи вокругъ юртъ¹⁾. Теперь качинцы живутъ съ меньшей роскошью, что объясняется чумными эпизоотіями 1870—72 г. и 1885—87, затѣмъ погоней молодаго поколѣнія по ставить свой домъ на русскую ногу и вообще болѣе высокимъ уровнемъ потребностей, требующихъ и большихъ издержекъ. Однако и теперь встрѣчаются богачи, считающіе въ своихъ табунахъ до 2 тыс. лошадей, до 1000 рогатаго скота и до 6 тыс. овецъ. Богатства увеличиваются почти безо всякой затраты труда со стороны ихъ хозяевъ: стада и табуны круглый годъ пасутся на подножномъ корму по степи и безлѣснымъ вершинамъ, ибо зимы бываютъ въ большинствѣ малоснѣжны. Въ бѣдныхъ семьяхъ качинцевъ найдется до 25 лошадей, до 15 штукъ крупнаго скота и болѣе 100 овецъ и телятъ. Семья, имѣющая такое количество скота, дѣйствительно едва можетъ сводить концы съ концами, разъ она не желаетъ имѣть какихъ либо побочныхъ занятій. Но за разъясненіемъ этого вопроса, какъ и вообще за подробнымъ ознакомленіемъ съ положеніемъ инородческаго скотоводства и полеводства отсылаю читателя къ книгѣ, богатой фактическими данными (Аргуновъ. Очерки сельск. хоз. Минус. края). Приведенныя мной данныя, однако, нѣсколько расходятся съ цифрами г. Аргунова; такъ — и годовой приплодъ овецъ, какъ сообщаютъ, обыкновенно болѣе 50%, именно 70—80%.

Для пастбы скота нанимаются пастухи. Почти же вся остальная работа по хозяйству лежитъ на плечахъ женщинъ (см. Каратановъ); на ихъ же печеніи находятся и дѣти. Женщины же готовятъ и айранъ; но подъ старость онѣ и сами отнюдь не прочь пображничать, выкурить трубку, особенно, если есть уже въ семьѣ молодая невѣстка. Болѣе или менѣе точныхъ цифровыхъ данныхъ о вывозѣ изъ степи на продажу овечьей шерсти, конскаго волоса, войлоковъ, кожъ, мерлушки, масла и т. д., конечно, не существуетъ.

Хлѣбопашествомъ занимаются главнымъ образомъ инородцы Степной Думы; изъ качинцевъ же преимущественно обрусѣвшіе (такъ жители

¹⁾ Castrén, p. 306. Землевѣдѣніе Азіи.

д. Толчен). Официальные цифровые данные за 1893 г. о размерах полеводства и скотоводства я привожу в общей таблиць в главѣ о податныхъ налогахъ. Правда, официальные свѣдѣнія обыкновенно в 2—3 раза ниже действительныхъ, но за неимѣніемъ послѣднихъ приходится пользоваться, какими есть. Объ искусственномъ орошеніи степей инородцами болѣе подробно, чѣмъ я могу сказать, сообщаетъ г. Аргуновъ (Очерки сельск. хоз. и описаніе «мочаговъ» — Сибирск. Сборн. прилож. къ «Вост. Обозр.» за 88 г., вып. III). Для устройства «мочаговъ», системы оросительныхъ канавъ, инородцы пользуются часто чудскими бороздами, оставленными первобытными насельниками степей и простирающимися иногда на большія разстоянія. Эта же чудь, этотъ, сравнительно культурный, неизвѣстный народъ и много другихъ, еще болѣе раннихъ и позднѣйшихъ, насельниковъ, оставили массу кургановъ и городищъ, изукрашили надписями и всевозможными изображеніями скалы по берегамъ Енисея, разсыпали по всему Минусинскому краю, в 2½ раза превосходящему по пространству Швейцарію, милліоны костяныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ¹⁾. Среди теперешнихъ насельниковъ округа старинныя вещи также находятъ свое примѣненіе. Каменные предметы называются у сибирскихъ крестьянъ «громовыми» стрѣлами, бронзовые — «чудскими» вещами и желѣзные — «татарскими». Среди инородцевъ находимые ими большіе каменные песты и теперь употребляются какъ песты для большихъ ступъ (описаніе ихъ далѣе). Каменные жерновые камни (до ½ арш. в діам.) какъ русскимъ, такъ и обрусѣвшимъ инородцамъ служатъ для перемалыванія соли; инородцамъ же иногда замѣняютъ ихъ современные деревянные жернова, служащіе для раздробленія хлѣбныхъ злаковъ. Бронзовые ножи главнымъ образомъ крестьянками употребляются для соскребанія тѣста съ квашенокъ и «исканія» въ головѣ. Красивыя граненыя булавки (шилья) вы встрѣчаете, какъ копалки для трубокъ. Своеобразной формы перстни инородками, такъ любящими всякія украшенія, употребляются иногда и теперь. Желѣзные наконечники стрѣлъ служатъ разными отвертками при ружьяхъ; для музея Академіи Наукъ мною приобрѣтено 2 наконечника стрѣлъ съ трубчатымъ отверстіемъ на заднемъ концѣ для вставленія древка и съ кольцомъ сбоку для привязыванія шнура; употребляются они для охоты на выдръ и перекованы изъ «татарскихъ» стрѣлъ. Вообще, по отзывамъ крестьянъ и инородцевъ, «татарская» сталь замѣчательно хороша, почему старинныя кинжалы и ножи и перековываются часто на современные ножи; ножъ же в ножнахъ,

¹⁾ Подробно ознакомиться съ археологіей края можно по книгѣ Д. Клеменца Древности Минусинск. Музей. Томскъ, 1886 г.

какъ известно, составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго сибиряка. Наконечники желѣзныхъ стрѣлъ встрѣчаются также, какъ подвѣски на шаманскихъ костюмахъ (въ Красноярск. муз. и въ М. Акад. Н.—костюмъ, привезенный мной); интересно бы знать, какое значеніе придаютъ имъ шаманы.

Пищевые продукты качинцевъ.

То, что приводитъ г. Каратановъ относительно пищевыхъ продуктовъ инородцевъ Степной думы, относится и до качинцевъ; но я нигдѣ не слышалъ, чтобъ и падалъ также шла въ пищу. Костей отъ стола качинцы также не сохраняютъ, а выбрасываютъ собакамъ.

Я начну описаніе пищевыхъ продуктовъ съ самаго главнаго — молока, имѣющаго очень много производныхъ. Изъ молока получается простокваша — *јорт*¹⁾ или *узàн-сѹт*, сметана — *сѹметан*, масло — *кайàк* и творогъ, называемый, какъ по русски. Изъ молока-же выкуривается самый употребительный и любимый напитокъ инородцевъ, *аракà*. Парнымъ молоко, повидимому рѣдко употребляется (къ чаю-же подаютъ сметану)—поэтому прямо отъ коровъ его сливаютъ въ большую кадку, находящуюся въ юртѣ съ правой стороны, какъ и другія кухонныя принадлежности инородца. Снятое молоко заквашиваютъ прежнимъ айраномъ; такимъ образомъ получается молодой айрàн. Какъ впервые было вызвано броженіе, инородцы не знаютъ; говорятъ, что стариками выдуманно. Выкуривать араку обыкновенно начинаютъ съ наступленіемъ весны, такъ какъ въ холодное время года, вслѣдствіе дурного содержанія скота, послѣдній въ большинствѣ перестаетъ давать молоко. Въ большой чугунный котелъ — *казàн* ($\frac{3}{4}$ арш. и болѣе въ діам.), утвержденный на желѣзномъ таганѣ—*очèх*, громадной деревянной ложкой—*хамы* с наливается айрàн. Котелъ накрывается толстымъ деревяннымъ нѣсколько меньшаго діаметра, чѣмъ чаша, колпакомъ (какпак), выдолбленнымъ самымъ примитивнымъ образомъ изъ цѣльнаго куска дерева вмѣстѣ съ верхней дужкой, служащей для сниманія колпака. Послѣдній имѣетъ съ одной стороны трапециoidalное отверстіе съ плотно пригнанной къ нему крышкой; отверстіе служитъ для прибавленія айрана во время его перегонки. Въ круглыя отверстія противоположной стороны крышки вставляются двѣ грубо сдѣланныя дугообразныя деревянныя трубы (*трубà*—5—6 четв. арш. дл.). Въ деревяшкахъ, предна-

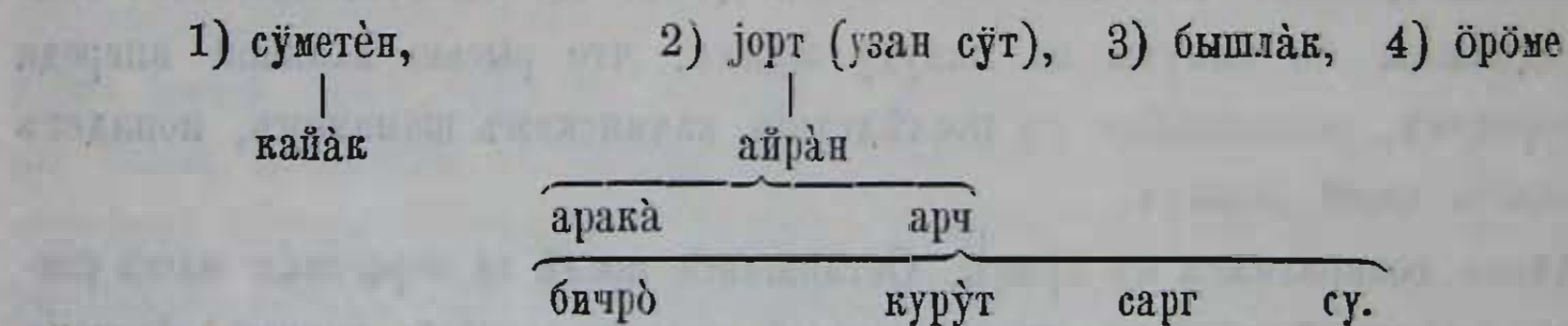
¹⁾ Знакъ *ј* въ словѣ *јорт*, какъ и въ послѣдующихъ, долженъ произноситься приблизительно, какъ русское *дж*.

значающихся для приготовления такихъ трубокъ, въ мѣстѣ сгиба вырѣзывается прямоугольный кусокъ и затѣмъ, при помощи сверла и раскаленнаго желѣзнаго прута продѣлывается круглый каналъ; послѣ этого прямоугольникъ снова забивается. Замазываніемъ щели образуемой котломъ и колпакомъ, при помощи свѣжаго коровьяго помета, перемѣшаннаго съ глиной, а также и всѣхъ другихъ щелей на крышкѣ, достигается въ нѣкоторомъ родѣ полное закупориваніе. Противоположные концы трубокъ опираются на два чугунныхъ кувшина (р а г э), помѣщенные въ деревянную колоду съ холодной водой, играющей роль холодильника¹⁾. Подъ котломъ раскладывается огонь, и перегонка идетъ весьма медленно. Выдѣлившіеся изъ айрана пары переходятъ въ кувшины въ видѣ прозрачной кисловатой жидкости—а р а к а, крѣпостію 6—8°. Однако инородцы очень слабы и быстро хмѣлѣютъ, и тогда начинается бессвязная болтовня и пѣсни, причемъ каждый поетъ свою. Иной разъ качинецъ пируетъ у своего пріятеля сутки, а то и болѣе, совершенно забывъ про свою верховую лошадь, привязанную къ изгороди. Наконецъ, его совершенно пьянаго затаскиваютъ на сѣдло—тутъ уже онъ чувствуетъ себя, какъ дома и никогда не выпадетъ; умная лошадь мчитъ своего хозяина къ улусу, по прямому направленію, безо всякой дороги. Выносливость степныхъ лошадей поразительна: она одинаково хорошо выносить подъ открытымъ небомъ и 35° (R.) жары и 35° мороза. При мнѣ къ одному миссіонеру пріѣзжалъ молодой инородецъ, по дѣлу о покупкѣ бычковъ, изъ улуса за 80 вр. и черезъ часъ, не кормя коня, направился обратно, надѣясь въ ночи поспѣть домой, Пьяный инородецъ желаетъ казаться болѣе пьянымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Не зная сначала этого обычая, я однажды съ минуты на минуту ждалъ, что рысью ѣхавшій впереди меня инородецъ, оказавшійся въ послѣдствіи качинскимъ шаманомъ, попадетъ подъ копыта своей лошади.

Однако возвратимся къ аракѣ. Оставшаяся послѣ ея перегонки масса сливается въ холщевый мѣшокъ, подвѣшанный надъ кадушкой; такимъ образомъ въ мѣшкѣ остаются кислыя творожинки—а р ч или б о j а, а въ кадушку

¹⁾ Въ двухъ мѣстахъ мнѣ пришлось видѣть иного устройства аппаратъ для перегонки араки—по сойотскому (сойоты—южнѣе Минус. окр.) способу: въ котель, наполненный айраномъ, ставится высокая кверху суживающаяся кадушка безъ дна; верхнее отверстіе ея закрывается чугуннымъ-же котломъ, наполняющемся льдомъ или холодной водой. Охлаждающіяся капли араки падаютъ на деревянную лопаточку съ вырѣзанными на ея поверхности бороздками; по черепу лопатки, имѣющему глубокий желобокъ, какъ продолженіе бороздокъ, и выходящему въ боковое отверстіе кадки, арака стекаетъ въ подставленную чашку; для удобства въ желобокъ кладется тоненькая веревочка, спускающаяся въ чашку. Выгоды этого способа: установка аппарата требуетъ менѣе времени и мѣста, арака получается чище и прозрачнѣй, ибо не употребляется коровьей замазки; невыгода—необходими два чугунныхъ котла.

стекаетъ употребляемая въ кормъ скоту сывортка—с а р ч е у. Захватывая арчи въ руку и выпуская тонкія струи между пальцевъ, инородки получаютъ бичрò или бючурè (послѣднимъ именемъ называли въ сагайскомъ улусѣ близъ с. Аскыскаго); его высушиваютъ на солнцѣ на особыхъ деревянныхъ рѣшетахъ (с ы), состоящихъ изъ ряда скрѣпленныхъ между собою бичевкой длинныхъ, тоненькихъ и узенькихъ дощечекъ; кисловатое бичрò довольно приятно на вкусъ. Лепешки, приготовленныя изъ арчи же и прокопченныя въ дыму, называются курòт. Какъ арч, такъ и бичрò и курòт служатъ приправой къ кушанію (у г р è — см. далѣе) и послѣднія два заготавливаются и на зиму. Инородческій сыръ—бышлак (кач.) или бызылах (сагайскій улусъ) имѣетъ очень пріятный своеобразный вкусъ; для его приготовления свѣжее прокипяченное молоко подквашиваютъ айраномъ и свернувшуюся массу прессуютъ тонкими плитками въ холстѣ между двухъ досокъ. Лучшимъ лакомствомъ качинцевъ считается ö р ö м е—это пѣнки, которыми покрывается прокипяченное молоко въ холодномъ мѣстѣ; имъ угощаютъ самыхъ дорогихъ гостей; для слизыванія пѣнокъ существуютъ даже въ нѣкоторыхъ юртахъ—кò ч и к: это плотный войлочный кружокъ (до 8—10 см. въ діам.), прошитый нитками (изъ воловьихъ жилъ), насаженный на деревянный стерженець въ $\frac{1}{2}$ аршина длиною. Опустивъ кòрчикъ въ горшокъ и вращая стерженець между ладонями, набираютъ такимъ образомъ на кружокъ пѣнокъ и слизываютъ ихъ, увѣряя, что съ ложки ѣсть далеко менѣе вкусно¹⁾. Итакъ изъ молока—с ù т получаютъ слѣдующіе продукты:

Мясныя кушанія качинцевъ также довольно разнообразны. Такъ называемое ù г р è (щи, похлебка) состоитъ изъ воды, мяса и жербы (ј е р б à — крупно смолотая рожь) или какой-нибудь крупы (ячменной, гречневой); приправой служатъ бичрò, курòт, боја и борчà. Мÿн (супъ) состоитъ изъ воды и мяса рубленого или кусками. Въ ùгрè или въ мÿн, во время ихъ кипяченія варятъ: 1) к а н—кровь животныхъ съ кусочками сала, налитыя въ кашку;

¹⁾ У г. Карнова для инородцевъ Степной Думы пѣнкамъ дается совершенно иное назначеніе; можетъ быть такое кушаніе и существуетъ; но въ такомъ случаѣ названіе «бышлак» для него, вѣроятно, ошибочно.

2) к и м а, приготовленная какъ колбаса, но изъ баранины и скотскаго мяса;
3) т а р т в а н и т — желудки жвачныхъ животныхъ; когда послѣднее кушаніе готово, его крошатъ и ѣдятъ съ угрѣ или мян. Жареное на вертелѣ мясо называется качинцами с' с т е н и т; на вертелѣ же готовится с о б а ч — кусочки печенки, обернутые въ жиръ съ бараньяго желудка. У качинцевъ и у сагайцевъ приходилось затѣмъ мнѣ встрѣчать мясо сваренное въ сметанѣ; въ сагайскомъ улусѣ близъ с. Аскыскаго назвали это кушаніе — йт к а й т а т в и й ю р и п м ъ.

Пищевыхъ веществъ изъ хлѣбныхъ злаковъ и другихъ растеній также мы находимъ большое разнообразіе. Прежде всего т а л г а н — поджаренныя и крупно смолотыя зерна пшеницы или ячменя; ѣдятъ съ молокомъ, сметаной или масломъ и въ послѣднемъ случаѣ прибавляютъ еще и бичрѣ. Изъ сушеной ягоды — ч е р е м у х и, истолченной затѣмъ въ деревянной ступѣ и поджаренной въ маслѣ, получаютъ тонкія лепешки (сообщено въ сагайскомъ улусѣ). Черемуха растетъ къ изобиліи на островахъ по Енисею и Абакану и по многочисленнымъ притокамъ этихъ рѣкъ; инородцы охотно употребляютъ еѣ свѣжею, но, по своей лѣности, предпочитаютъ поскорѣе наломать охапку вѣтокъ вмѣсто того, чтобъ обирать по ягодкѣ. Каша (б о т к) готовится слѣдующими способами: 1) мука на сметанѣ — боткы, 2) мука на молокѣ — с ѳ т боткы, 3) корни сараны на молокѣ — с и п - б о т к ы и 4) к а н д ы х - б о т к ы, сваренная на молокѣ, говорятъ, замѣчательно вкусно. Сарану (*Lilium Martagon*) въ сагайскомъ улусѣ называли с а р г а й; качинцы же различаютъ два вида луковицъ сараны: а к с и п (бѣлая) и с а р а х с и п (желтая). Сарана и кандых (*Erythronium Deus Conis L.*) добываются въ тайгѣ, считаются лакомымъ блюдомъ и заготовляются высушенными въ прокъ; кандыхъ набираютъ на нитку, какъ бусы и подвѣшиваютъ къ потолку юрты; кромѣ каши идетъ онъ и въ щи. Очень уважается всѣми инородцами, какъ и сибирскими крестьянами, в а л б а — черемша (*Allium victorialis*), растеніе съ рѣзкимъ запахомъ и съ острымъ чесночнымъ вкусомъ; употребляется сырой и крошится въ щи. Б а л т ы р г а н — пучка (*Lebanotis sibirica L.*) употребляется только свѣжей и въ раннемъ возрастѣ, когда она довольно вкусна. Затѣмъ ѣдятъ сырыми или крошатъ въ похлебки, но не заготавливаютъ на зиму, какъ и калбѣ и пучку: полевой лукъ — кубергѣн¹⁾ (названіе записано отъ сагайцевъ), полевой чеснокъ — у х с ѳ н' (саг.), с и н ѳ (саг.) — чегна или Марьины коренья (употреб. коренья) — *Raeonia anomala*, ч у м ч ѳ л а — маленькія луковички *Orithya oxypetala* (хлѣбенки — сибирское названіе), с л а д к а — корни *Glycyrrhiza glandulifera* (солодковый

¹⁾ Знакъ издѣ буквой н' означать носовой звукъ.

корень — сиб.). Чай употребляют инородцы, какъ и всё сибирское население, прессованный китайскій «кирпичный»; но инородцы часто заготавливаютъ на зиму и пьютъ вмѣсто чая мартхалы-сиген (кач. названіе съ коллекціи Минус. Муз.) или ах-басод (въ бальтирск. ул.) — бѣлоголовникъ (*Spigasea Ulmaria* L); затѣмъ бадан (*Saxifraga Crassifolia*), у котораго собираютъ только старые почернѣвшіе листья ¹⁾).

Хозяйственныя принадлежности.

Намъ уже извѣстно теперь устройство аппарата для араки, извѣстенъ вѣрчик и хамыс; добавлю къ этому, что знаю о нѣкоторыхъ другихъ принадлежностяхъ. Прежде всего надо замѣтить, что качинцы не знаютъ кузнечнаго ремесла, и качинецъ М. И. Райковъ говоритъ, что не слышалъ даже какихъ-либо преданій объ этомъ у качинцевъ. Такимъ образомъ всё металлическія издѣлія, встрѣчаемыя у качинцевъ, пріобрѣтены въ г. Минусинскѣ, куда они привозятся изъ Россіи и изъ Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода, и отъ сибирскихъ деревенскихъ кустарей. Послѣдніе готовятъ ножи, перетни, трубки съ оловянной обливкой, огнива, серебряныя насѣчки на сѣдлахъ и сбруѣ и т. д. Мнѣ пришлось быть у богатаго качинца Петра Чаркова на р. Уйбатѣ. Его громадный дворъ съ большимъ русскимъ домомъ, со многими юртами и разными надворными постройками, съ многочисленной дворней представляетъ нѣчто въ родѣ княжескаго двора. Здѣсь вы находите учителя изъ поселенцевъ (т. е. уголовныхъ ссыльных) — онъ же писмоводитель и т. д., фельдшера, кузнеца, слесаря и нѣсколькихъ мастеровъ изъ коренныхъ сибирскихъ крестьянъ для болѣе изящныхъ работъ (насѣчки, литья и т. д.). Я не говорю уже о большомъ количествѣ пастуховъ, кожевниковъ, боровницъ и т. д. Насѣчка серебромъ дереваги и ременныхъ принадлежностей къ сѣдлу стоитъ 40—60 руб.

При производствѣ обливныхъ трубокъ, говорятъ, поступаютъ слѣд. образомъ: на деревянной трубкѣ дѣлаютъ ножомъ болѣе или менѣе сложные узоры, но такъ, чтобы всѣ бороздки соединялись между собою; затѣмъ плотно обертываютъ ее смоченной писчей бумагой и льютъ расплавленное олово такъ, чтобы оно могло разойтись по всѣмъ канавкамъ, облекая такимъ образомъ толстый

¹⁾ Въ этому списку добавимъ то, что находимъ у г. Аргунова (стр. 42) и г. Попова (Изв. Геогр. Общ., т. XX) и тогда мы знаемъ всё, что извѣстно до сихъ поръ о сѣдобныхъ растеніяхъ у качинцевъ: дикая гречиха; карлыкъ (*Fagopyrum tataricum*) — его сѣмена; ибевъ (его корни) — болотныя травы съ колючими листьями (*Cirsium acaule?*); лущеные кедровые орѣхи (въ подтаежныхъ мѣстностяхъ).

чубукъ трубки сплошнымъ узорчатымъ поясомъ. Для пробы достоинства араки служатъ амзòр—блокъ овечьей шерсти, прикрѣпленный къ концу тоненькой палочки въ $\frac{1}{2}$ арш. длиною; амзòр опускаютъ въ сосудъ и вынувши, обсыхаютъ. Встрѣчаются у качинцевъ самодѣльные ложки (сомнах) и деревянные чашечки (чирчè), но у большинства послѣднія—китайской работы.

Саргас (сар.), служащій для отвѣванія ячменя, сушеной черемухи и т. д., имѣетъ видъ половинки обыкновеннаго сита, до 1 арш. въ діаметрѣ, но дно его сдѣлано изъ тоненькихъ же дощечекъ, скрѣпленныхъ между собой и съ ободомъ ремешками. Разнообразныя формы массивныхъ деревянныхъ ступъ—солòк (1— $1\frac{1}{4}$ высотой) я уже не стану описывать; самая обыкновенная имѣетъ форму стеклянной рюмки. Среди фотографій акад. музея есть одна, снятая съ акварели, сдѣланной по моимъ рисункамъ; тамъ изображены сойотскій перегоночный аппаратъ, различныя формы ступъ, пестовъ въ немъ и саргасъ. Песты (олгы) почти такой же длины, что и ступы—въ концамъ сужены, по срединѣ—съ перехватомъ или имѣютъ большое отверстіе въ утолщенной срединѣ; о каменныхъ пестахъ я уже сказалъ ранѣе ¹⁾. Разныя жерновки—тèрбен приготавливаются изъ крѣпкаго дерева (лиственницы, березы); для этого отъ обрубка въ $\frac{1}{2}$ арш. толщиной отпиливаютъ два круга вершка 3—4 высотой, при чемъ у одного, предназначеннаго быть верхнимъ жерновкомъ, должна быть сдѣлана ручка (3—4 вр. высоты) изъ одного куска съ своимъ туловищемъ. Въ нижній жерновокъ вбивается толстый желѣзный стержень, а въ центрѣ верхняго—отверстіе для него. По всей поверхности соприкасающихся плоскостей вбиваются радіально чугуныя кусочки отъ каго-нибудь разбитаго сосуда; затѣмъ для просушки оба закладываются въ сухую муку, чтобъ ихъ «не разодрало». Для выкапыванія кореньевъ служитъ òзѣ, небольшой (врш. 3 дл.) желѣзный наконечникъ, въ формѣ суживающагося къ низу треугольника, насаженный на кривой рычагъ, согнутый почти подъ прямымъ угломъ. Для выдавливанія лодокъ, кромѣ топора, служитъ киржанъ, желѣзный наконечникъ, въ низу нѣсколько расширяющійся, насаженный на деревянную ручку. Озѣ и киржанъ принадлежатъ и къ орудіямъ прежнихъ обитателей края: археологическій отдѣлъ Минус. музея имѣетъ ихъ среди своихъ коллекцій (описание сельско-хоз. орудій см. «Сибирск. Сборн.» ст. Ядринцева—«Начало осѣдлости»). Для перевозки тяжестей на верховомъ конѣ служатъ помѣстительныя кожаныя, заторачиваемыя позади, сѣдла и спускающіеся по

¹⁾ Въ интересахъ сравнительной этнографіи позволю себѣ указать, что среди рисунковъ въ ст. «The Ainon by David Mac Ritchie» (plate XVII, 2) въ Internat. Archiv für Ethnographie за 1892 г. находится изображенія саргас и ступы съ пестомъ, тождественныя въ инскимъ.

объ стороны лошади, сумы-арчмах. Трутъ, употребляемый при добычѣ огня, называютъ кабѡ; охотники имѣютъ также на ремнѣ вмѣстѣ съ огнивомъ маленькую деревянную ложечку для горючей сѣры, употребляемой для добычи огня при неблагоприятныхъ условіяхъ погоды. Въ Качинскомъ улусѣ Усть-Бижа называли этотъ приборъ-трут. О другихъ охотничьихъ принадлежностяхъ почти ничего не знаю. Бѣглыя замѣчанія относительно остальныхъ стрѣлъ на выдрѣ я уже далъ ранѣе. О сымсахъ и быргы скажу при описаніи музыкальныхъ инструментовъ. Охотники употребляютъ преимущественно самага примитивнаго устройства кремневое ружье, какъ болѣе якобы надежное и практичнѣе пистоннаго. Въ болѣе давнее время качинцы употребляли лукъ и стрѣлы; въ Красноярскомъ и Минусинскомъ музеяхъ находится по экземпляру этихъ рѣдкостей, пріобрѣтенныхъ отъ старинныхъ семей. Говорятъ, еще одинъ экземпляръ находится въ семьѣ братьевъ Картиныхъ ¹⁾. Лукъ, принадлежащій Красноярскому музею, очень тщательно сдѣланъ; 3 стрѣлы съ стальнымъ наконечниками довольно тонкой работы и 2—съ массивными утолщеніями на концахъ (на бѣлокъ?) оперены; при нихъ колчанъ изъ тонкой кожи, шитый бисеромъ. Съ вопросомъ о рыболовныхъ принадлежностяхъ я также мало знакомъ. Мною добыто только сасхы, орудіе употребляемое при лученіи рыбы—это деревянная лопаточка, къ низу расширяющаяся, прикрѣпленная лыкомъ (изъ тальника или акаціи—Аргуновъ, стр. 42) къ длинной палкѣ. Затѣмъ инородцы употребляютъ, какъ и сибирскіе крестьяне, «морды» изъ тонкихъ прутьевъ, сѣти и невода; вѣроятно, послѣдніе приготовляются между прочимъ и самими степняками изъ упоминаемыхъ г. Аргуновымъ (стр. 42) дикой конопля (*Urtica cannabina*) и дикаго льна (*Linum perenne*).

Въ прежнее время приготовляли инородцы для различныхъ потребностей большіе сундуки и ящики, теперь-же все это замѣняется покупными, привозимыми изъ европейской Россіи. Я добылъ двѣ небольшихъ коробочки х а р а ч а х, но снялъ фотографію съ обширной коллекціи этихъ предметовъ Минусинскаго музея. Послѣдній имѣетъ ящички разныхъ величинъ и формъ съ разнообразными, рѣзанными простымъ ножомъ, орнаментами; маленькія коробочки—выдолбленныя; большіе-же ящики скрѣплены своими отдѣльными частями ремешками. Такіе сундуки мнѣ пришлось встрѣтить только полусгнившими въ старыхъ могилахъ.

По срединѣ юрты воздвигнуто иногда у качинцевъ нѣчто въ родѣ глиняной печи; у качинца Ив. Доможакова такая печка $\frac{1}{2}$ арш. высоты и $\frac{3}{4}$ арш. длины и ширины; почти въ величину всей верхней поверх-

¹⁾ Кроме того у мѣстнаго любителя-археолога Ник. Петр. Кузнецова.

ности печи сдѣлано круглое отверстіе для чугунаго котла; сбоку съ одной стороны—дыра для подкладыванія дровъ. Затѣмъ я имѣю фотографію качинки, пекущей небольшіе пшеничныя хлѣбцы въ устроенной на дворѣ глиняной овальной печкѣ, при чемъ подъ ея находится непосредственно на землѣ. Встрѣчаются еще высокія, похожія на каминъ, глиняныя конусообразно-усѣченныя печи. Внутри юрты съ лѣвой стороны часто приставлены къ стѣнѣ длинныя, высокія и узкія (до $\frac{1}{4}$ арш.) кожаные мѣшки, наполненные сѣномъ, ранѣе-же служившіе для храненія имущества; числомъ ихъ даже измѣрялось приданое.

Жилища.

Внутренній и наружный видъ жилищъ описанъ довольно подробно г. Каратановымъ, и это описаніе можно приурочить и къ качинцамъ. Добавлю только, что войлочныхъ юртъ теперь уже не встрѣчается; берестяныя-же сравнительно рѣдко попадаются, въ виду все большей и большей затруднительности въ добычѣ бересты и меньшей ихъ практичности и долговѣчности по сравненію съ деревянными. У бѣдныхъ качинцевъ кромѣ конусообразныхъ юртъ изъ длинныхъ жердей, обставленныхъ лиственничной корой и разными досками, встрѣчаются еще почти прямоугольныя лиственничныя съ куполообразнымъ верхомъ; такія юрты обставлены съ боковъ цѣльными въ средній ростъ человѣка кусками лиственничной коры. Берестяныя юрты качинцы называютъ—*йи*, конусообразныя-же лиственничныя—*алъчек*. Кромѣ 8-и угольныхъ деревянныхъ юртъ приходилось мнѣ еще встрѣчать 6, 10 и 12-и угольныя. Собираясь женить сына, отецъ прежде всего строить для него новую юрту на сѣверъ отъ своей; причемъ юрта сына собственно должна быть меньшей величины, но теперь, съ русскимъ вліяніемъ, требуется бѣльшій просторъ въ помѣщеніи, почему этотъ обычай почти не соблюдается. Лѣтняя резиденція Кирпича Доможакова состоитъ изъ 3 юртъ, причемъ юрта молодого внука, построенная на востокъ отъ прочихъ двухъ, самая обширная и изящная. Во всѣхъ инородческихъ юртахъ свѣтъ проходитъ только черезъ верхнее дымовое отверстіе и черезъ входное. При постройкѣ русскихъ избъ для зимовки на матацѣ подвѣшивается также какъ у сибирскихъ крестьянъ мѣдный крестъ на шнуркѣ, у инородцевъ *ја лама*, красныя и бѣлыя тряпички.

Свадебный женскій костюмъ. Приданое и калымъ.

Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть всего свадебнаго обряда съ начала до конца, почему я и ограничиваюсь только нѣкоторыми замѣточками.

У качинцевъ молодой инородецъ, высмотрѣвши себѣ подругу, спрашиваетъ ее наединѣ или черезъ сваху, если онъ застѣчивъ, согласна-ли дѣвушка идти за него; въ случаѣ согласія, она назначаетъ срокъ, когда она должна быть украдена и даетъ ему на память кольцо, платокъ или какой-либо другой предметъ. Однако похищеніе происходитъ иногда и безо всякаго предварительнаго уговора. Процессъ похищенія описанъ очень полно г. Каратановымъ, но описаніе дальнѣйшихъ свадебныхъ обрядностей во многомъ не согласно съ обычаями качинцевъ.

Похищенную дѣвушку обыкновенно (а вѣрнѣе—всегда) отвозятъ къ знакомымъ въ какой-нибудь другой улусъ; я повстрѣчалъ одну невѣсту живущей верстахъ въ 12 отъ жениховскаго; здѣсь она живетъ иногда нѣсколько дней до дня свадьбы. При мнѣ за упомянутой дѣвушкой пріѣхала отъ жениха громадная ватага свахъ и повъжанъ верхами и на тарантасахъ и нѣкоторые—съ деревянными лагушками араки. Пріѣхавшіе и присутствовавшіе ранѣе въ улусѣ разсѣлись въ помѣстительной юртѣ и возлѣ нея и медленно съ оживленными разговорами начали опустошать 1½ ведерный котелъ, въ который была слита вся арака. Затѣмъ были всевозможныя мясныя кушанья и чай съ пшеничными сухарями и сметаной. Все это время невѣста сидѣла въ углу и закрывала свое лицо либо платкомъ, либо рукой; одинъ инородецъ замѣтилъ мнѣ при этомъ: «Ей стыдно!.. Другая—такъ не закрывается—не стыдится». Здѣсь-же присутствовалъ парнишка лѣтъ 13—14, посланный за невѣстой. Про этого замѣстителя жениха мнѣ рассказали, что какъ только свадебный поѣздъ пріѣзжаетъ въ улусъ жениха, парнишку и невѣсту вводятъ въ юрту и даютъ имъ отвѣдать щей изъ арчи, кишковъ, мяса и проч. Затѣмъ льютъ нѣсколько капель этихъ-же щей на платье парнишки и невѣсты, въ знакъ ея плодородія. Разумѣется, этотъ интересный обычай требуетъ проверки. Далѣе мнѣ неизвѣстны подробности и объясненіе обычая бросать вареную кобылью лопатку; при этомъ молодые ребята устраиваютъ настоящую свалку, каждый стараясь захватить добычу. По словамъ М. И. Райкова, у качинцевъ родители невѣсты не пируютъ на свадьбѣ, а получивъ калымъ, назначаютъ время мировой мѣсяцевъ черезъ 6 и болѣе; тогда и ѣдутъ молодые на поклонъ къ нимъ. Два—три и даже болѣе послѣдующіе за свадьбой дня качинка—молодая ходитъ съ закрытымъ лицомъ и тщательно скрываетъ свои волосы, переплетенные при окончаніи свадебнаго дня одной свахой и подругами изъ нѣсколькихъ мелкихъ косичекъ въ двѣ мощныхъ красивыхъ косы.

Плясокъ у качинцевъ нѣтъ, но мнѣ пришлось пріѣхать подъ самый конецъ одной свадьбы и увидать нѣчто, похожее на русскій хороводъ (дин,

такъ называетъ г. Поповъ въ XX т. Изв. Г. О.). Часовъ около 11 уже ночи, при свѣтѣ луны на полянѣ близъ юртъ, парни и дѣвушки, обнявши другъ друга и составивши такимъ образомъ большой кругъ (причемъ одну половину кольца составляли мужчины, а другую—женщины), покачиваясь изъ стороны въ сторону, но не передвигаясь, какъ въ хороводахъ, пѣли монотонную безконечную пѣсню; при этомъ только изрѣдка чей либо одинокій женскій голосъ, какъ будто желая вырваться на свободу, выдѣлялся надъ общимъ уровнемъ.

Праздничный или свадебный дѣвичій костюмъ отличается отъ обыкновеннаго лишь особой формы высокой, съ воронкообразнымъ широкимъ шелковымъ верхомъ и съ кистью изъ разноцвѣтнаго шелка, шапкой; широкій околышъ шапки, волнообразно спускающійся назадъ, составленъ часто изъ различныхъ шкурокъ рядами—выдры, соболя или бобра; низъ опушенъ черненькимъ барашкомъ. Шелковая затылочная часть подъ околышемъ обильно украшена большими и маленькими перламутровыми пуговицами и моржанами (красными кораллами). Кстати перламутровыя пуговицы-старинныя сравнительно дорого цѣнятся; такъ для одного женскаго платья мнѣ продали такую пуговицу (3—4 см. въ діам.) за 1 руб., тогда какъ новѣйшая (поддѣльная?) стоитъ всего гривенникъ. Шелковая матерія самыхъ разнообразныхъ рисунковъ и красокъ предпочитается также старинная, приобрѣтаемая отъ сибирскихъ франтихъ, у которыхъ обыкновенно цѣлые сундуки заполнены различнымъ шелковымъ, доставшимся имъ еще отъ прабабушекъ. Женскій свадебный костюмъ имѣетъ много деталей. Поверхъ шелковой рубахи или платья одѣвается длинная, волочащаяся по полу, крытая шелкомъ, но не мѣховая шуба; низъ ея, края и рукава имѣютъ широкую оторочку изъ выдры или молоденькаго бураго жеребенка. Рукава повыше локтя и лѣвая пола украшены широкой шелковой вышивкой радужныхъ цвѣтовъ; причемъ вышивка полы направляется подъ прямымъ угломъ подмышки. Съ лѣваго боку шубы подвѣшивается на шнуркахъ красивый обыкновенно голубого шелку длинный мѣшечекъ (скорѣе бисеть), остающійся, повидимому, безо всякаго употребленія. Поверхъ шубы надѣваютъ еще шелковую, вышитую по краямъ радужными шелками безрукавку, называемую сигедэк; она имѣетъ видъ русской поддѣвки. Грудь свахи покрываетъ особое полукруглсе большое шелковое украшеніе—бого, красивыми узорами унизанное перламутровыми пуговицами, моржанами и бисеромъ и украшенное по краю бахромой изъ мелкаго бисера. Голова повязывается платкомъ, поверхъ котораго надѣвается высокая, значительно расширяющаяся кверху, черной лисицы богатая шапка; спереди виденъ только широкій околышъ шапки; небольшой парчевый или шелковый куполообразный съ

большой костью верхъ шапки скрывается въ широкомъ раструбѣ. Серьги свахи, какъ и богатой женщины, состоятъ изъ 3 большихъ круглыхъ моржановъ (большій, насколько помнится, въ величину крупной вишни, оцѣнивается въ 30 руб.) и изъ промежуточныхъ мелкихъ, скрѣпленныхъ мѣдной проволокой, съ шелковой длинной висточкой и стариннымъ серебрянымъ рублемъ на бонцѣ. Уши не выдерживаютъ этой тяжести и у многихъ женщинъ они прорваны; поэтому серьги прикрѣпляются въ тоненькимъ косичкамъ, отходящимъ отъ большихъ косъ по одной съ каждой стороны. У качиновъ мнѣ не приходилось видѣть, какъ сообщаетъ г. Каратановъ, чтобъ на концахъ косъ прикрѣплялись монеты, бусы и т. д. Затѣмъ я не видалъ и не слышалъ про какіе бы то ни было браслеты какъ качиновъ, такъ и другихъ инородцовъ. О свадебномъ женскомъ сѣдлѣ я уже говорилъ ранѣе. Чепракъ, обыкновенно изъ краснаго сукна, украшенъ бусами, мелкими моржанами, различными пуговичками и вышитъ по краю такой же шелковой радужной каймой, какъ и шуба. Описание подробностей сѣдла оставлю въ сторонѣ; непонятно, къ чему служатъ широкій ремень съ прикрѣпленными къ нему желѣзными пластинками, какъ и у всѣхъ остальныхъ ременныхъ принадлежностей сѣдла, съ серебряной по нимъ насѣчкой, ремень, огибающій луки сѣдла и перекинутый черезъ самое сидѣнье; причемъ на сидѣньѣ посередкѣ онъ имѣетъ большую круглую желѣзную бляху, также съ серебряной насѣчкой. Когда женщина находится въ сѣдлѣ, всѣ эти украшения прикрываются ея платьемъ и такимъ образомъ не только не выполняютъ своего назначенія, какъ украшения, но еще и дѣлаютъ неудобнымъ сидѣніе. Такіе свадебные наряды и сѣдло имѣются далеко не во всѣхъ семьяхъ качинцевъ; еще того менѣе ихъ среди инородцевъ Степной думы, такъ какъ минимальная стоимость ихъ не менѣе 300 руб. Очень богатый костюмъ (за исключеніемъ серегъ) и сѣдельныя принадлежности прислалъ въ подарокъ музею Академіи зимой 1894 г. качинецъ Е. П. Спиринъ. Тогда же музей получилъ второй костюмъ, значительно уступающій первому, отъ Р. Географ. Общ., прибрѣтенный 10 лѣтъ тому назадъ г. Адриановымъ.

Свадебный костюмъ надѣваютъ иногда и по особо торжественнымъ днямъ (общественныя жертвоприношенія; 9-го мая—день св. Николая, котораго они очень почитаютъ и иногда приѣзжаютъ къ церковному служенію въ этотъ день изъ отдаленныхъ улусовъ). Богò носятъ иногда и поверхъ будничной шубы.

Молодые пары среди качинцевъ встрѣчаются обыкновенно въ такомъ родѣ: мужу 17—19 лѣтъ, женѣ—23—25; болѣе раннихъ браковъ и болѣе крайнихъ несоотвѣтствій въ лѣтахъ мужа и жены я не встрѣчалъ. Мо-

жетъ быть заявленіе г. Каратанова, что бываетъ жениху 12 лѣтъ, а не-
вѣста вдвое старше, относится только до рѣдкихъ случаевъ, да и то среди
бѣдняковъ, гдѣ лишнія руки въ лицѣ невѣстки очень кстати. Далѣе — ни
среди качинцевъ, ни среди инородцевъ Степной думы нѣтъ обычая брака
брата съ родной сестрой; затѣмъ у качинцевъ могутъ встрѣчаться браки
младшаго брата на вдовѣ умершаго старшаго (главнымъ образомъ въ виду
ненужности платить вторично калымъ), но не наоборотъ (см. Каратановъ).

Размѣръ калыма, должно полагать, зависитъ только отъ цѣнности бу-
дущаго приданаго и уже на второмъ мѣстѣ — отъ качествъ невѣсты; чаще
онъ достигаетъ 200—300 рублей; но какъ про рѣдкіе случаи рассказы-
ваютъ, что недавно качинецъ Картинъ взялъ за свою дочь съ Кобелькова —
1,000 руб., а Спириновъ заплатилъ Сукину 1½ тыс. руб., взявъ его дочь
какъ вторую жену взаменъ прежней — устарѣвшей.

Приданое выдается родителями невѣсты у качинцевъ черезъ болѣе или
менѣе долгій промежутокъ времени послѣ свадьбы. Когда родители окончательно
убѣдятся, что ихъ дочь можетъ жить счастливо съ своимъ мужемъ, они на-
значають время полученія приданаго. Такъ при мнѣ въ одной богатой семьѣ
подготовлялось празднество, по случаю выдачи приданаго, черезъ 8 лѣтъ послѣ
свадьбы. Годъ тому назадъ, когда дочь пріѣхала къ родителямъ съ однимъ
изъ своихъ частыхъ визитовъ, старики сказали ей: «Въ будущемъ году въ
этотъ же день пріѣзжай за своимъ приданымъ». Принявъ въ соображеніе не-
торопливость степняковъ (въ Минусинскѣ существуетъ поговорка: «русскій
часъ — татарская минута!») и размѣры приданаго, мы не удивимся, что для
изготовленія его требуется часто цѣлый годъ.

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о размѣрахъ приданаго я получалъ
отъ одного молодаго качинца, заплатившаго за свою жену 300 руб. калыма
и, повидимому, соображавшагося при обозначеніи цифръ полученнымъ имъ за
женой приданымъ. Привожу эти свѣдѣнія:

- 1) Сундуковъ устюжской (бѣдныя ирбитской) работы въ
среднемъ 6 по 20 руб . . . . . 120 руб.
- 2) Отъ 2—3 старинн. персидск. ковровъ по 70 р. 150—200 »
- 3) Шелковая занавѣсь къ кровати minim. . . . . 20 »
- 4) Посуды фарфоровой и мѣдной » . . . . . 25 »
- 5) 10 рубахъ ситцевыхъ (разноцвѣтныхъ женскихъ) . . . . . 20 »
- 6) 2 — 3 шелков. рубахи (12 аршинъ матеріи по
3—4 руб.). . . . . 100 »
- 7) Дѣвичья шапка праздничн., одѣваемая невѣстой. . . . . 10 »

8) Женская »	50 »
9) Шуба шелковая »	70 »
10) Богд — нагрудникъ	minim. 50 »
11) Серьги	до 200 »
12) Сѣдло съ принадлежностями	100 »
13) Конь подъ сѣдломъ.	25 »
14) Лошадей (богатый даетъ табунокъ шт. въ 30) въ среднемъ 10 штукъ	100 »
15) Рогат. скота въ среднемъ 10 шт.	100 »
16) Овецъ maximum 100 штукъ	100 »

Здѣсь не упомянуты только шубы будничныя лѣтнія и зимнія, перетни, обувь и разный другой хозяйственный скарбъ. Наше приданое, какъ видимъ, достигаетъ 1200 руб., превосходя такимъ образомъ значительно выплаченный за него калымъ.

Довольно подробное описаніе г. Каратанова будничной одежды и обуви относится также и до качинцевъ. Оригинальныя длинныя женскія шубы съ перехватомъ ниже колѣнъ, съ большимъ трудомъ стягиваемымъ при помощи толстыхъ нитокъ изъ воловьихъ жилъ, теперь встрѣчаются уже довольно рѣдко, замѣняясь шитыми на русскій манеръ, хотя и разукрашенными шелками, парчей и проч.

Повидимому, уже начинаютъ выходить изъ употребленія зимніе женскіе тяжелые сапоги съ многорядной довольно толстой подошвой, расширяющейся къ низу, съ низкимъ каблучкомъ, сшитые шерстью внутри изъ козьей или бараньей кожи; бараньи въ саг. улусѣ называли катыхъ юдэк. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось добыть одну пару, шитую шелками по лицевой сторонѣ, и другую, разукрашенную бронзированнымъ шнуромъ; обладательницы сапогъ утверждали, что они достались имъ по наслѣдству отъ бабушекъ.

Вѣроятно, чаще чѣмъ изъ льна и дикой конопли инородцы употребляютъ для шитья одежды и обуви нитки изъ воловьихъ жилъ; засушенное сухожилие—сиръ разбиваютъ молоткомъ на камнѣ; затѣмъ, раздернувъ отдѣльныя волокна, скручиваютъ ихъ на колѣнѣ, получая такимъ образомъ нитки или сученныя жилы—каткѣй сир. На этотъ счетъ въ качинскомъ улусѣ мнѣ сообщили такую загадку: Отъ одной бѣлой кобылицы сто бѣлыхъ родится.

Роды. Дѣтскій праздникъ.

По всей вѣроятности, въ настоящее время взрослые качинцы все крещены, но вѣнчается ихъ по русскому обычаю не болѣе 2—3%; этотъ %,

вѣроятно, выше въ Степной думѣ, гдѣ много совершенно обрусѣвшихъ. Къ священнику обыкновенно обращаются въ крайнихъ случаяхъ: новѣста, напр., желаетъ выйти замужъ и она совершеннолѣтняя, а родители упорствуютъ; въ этомъ случаѣ священникъ можетъ вѣнчать, разъ родители не представляютъ серьезныхъ возраженій. Я думаю, что качинцы имѣютъ менѣе дѣтей, чѣмъ сибирскіе крестьяне, хотя у г. Аргунова (Очерки сельск. хоз., стр. 27) находимъ (по свѣд. 1890 г.): процентъ дѣтей до 5 лѣтняго возраста—у сельск. населенія Минусинск. края—14,1%, у инородцевъ обоихъ вѣдомствъ въ средн. 15,5%; но онъ объясняетъ эту разницу значительнымъ количествомъ среди сельскаго населенія ссыльнаго элемента, не имѣющаго дѣтей, но сосчитаннаго при переписи. Оставивъ въ сторонѣ гигиеническія условія и минимальный уходъ за дѣтьми, одинаково неблагоприятныя у инородцевъ и у сибиряковъ, мы находимъ у инородцевъ лучшее питаніе—большее обиліе молочныхъ и мясныхъ продуктовъ и несоблюденіе постовъ, когда крестьянскій ребенокъ становится вегетарианцемъ; но съ другой стороны какъ на очень серьезныя неблагоприятныя условія указываютъ: на несоотвѣтствіе въ лѣтахъ между супругами; мужъ, сначала пылкій, быстро истощается, ко времени же его возмужанія жена уже значительно старѣетъ. Слишкомъ большое употребленіе спиртныхъ напитковъ не можетъ благоприятствовать рожденію здоровыхъ дѣтей, какъ и кормленіе ребенка молокомъ пьяной матери; мнѣ рассказывали случай въ качинскомъ удусѣ, что ребенокъ умеръ черезъ 2 дня послѣ того, какъ пьяная мать накормила его своимъ молокомъ.

Роды у качинцевъ происходятъ обязательно въ юртѣ, и это дѣлается, по возможности, и зимой, когда въ юртѣ далеко не тепло. Какъ и во многихъ русскихъ мѣстностяхъ¹⁾, женщины-качинки зачастую скрываютъ свои роды, незаметно удалившись и призвавши къ себѣ на помощь свекровь и какую-либо пожилую сосѣдку или повитуху; но отнюдь ко времени появленія на свѣтъ младенца не собираются родные и знакомые, какъ утверждаетъ г. Каратановъ; думаю, что это непримѣнимо и къ инородцамъ Степной думы. Такой обычай, дѣйствительно, существуетъ и между прочимъ на Сандвичевыхъ островахъ²⁾, качинки и, какъ утверждаютъ, и прочія инородки родятъ полустоя, ухватившись за подвѣшенный къ потолку юрты деревянный брусъ. Какъ рассказываютъ, инородки, живущія среди русскихъ, пробовали родить въ

¹⁾ Покровскій. Физич. воспит. дѣтей у разныхъ народовъ. Сочиненіе Покровскаго, вышедшее въ 3 вып. въ Москвѣ, вообще заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія по богатству фактическаго матеріала между проч. и относительно сибирскихъ инородцевъ и благодаря множеству параллелей.

²⁾ Ibid. Вып. I, 38.

лежащемъ положеніи, но это имъ не удавалось (у прочихъ сибирскихъ торговъ — киргизовъ и якутовъ, женщины родятъ также стоя. (Шокровскій, вып. I, стр. 52).

Имя ребенку дается черезъ недѣлю послѣ рожденія, когда и устраивается бала-тѣй (дѣтскій праздникъ). Тутъ среди ширванія начинаются споры, какъ назвать ребенка; всякій предлагаетъ свое, молодая-же мать (взявши этотъ случай, какъ болѣе типичный) уже давно придумала красивое имячко для своего новорожденнаго и не желаетъ уступать. Случается, что дѣти одинъ за другимъ умираютъ, что называется «не держатся», тогда зачастую даютъ новорожденному некрасивое и даже безобразное имя, предполагая, что онъ или она будетъ долговѣчиѣе (также довольно распространенный обычай).

Привожу наиболѣе употребительныя имена, а также русскія въ качинскомъ произношеніи (по сообщенію М. И. Райкова):

Мужскія:

Албѣн — подать, т. е. кто платитъ подати.	Угбек — косматый (о головѣ).
Бр-бас — сѣдая голова.	Ахча — деньги.
Млтгас — уменьш. отъ млтк (ружье), такъ наз. праздникъ Крещенія Господ., потому, что въ этотъ день русскіе стрѣляютъ изъ ружья.	Сильбей — вѣроятно отъ сильбе, ремень для бросанія камня.
Карол — черный мальчикъ.	Сагай — сагай (назв. племени).
Кзля — красный »	Койбал — койбалъ (назв. племени).
Агол — бѣлый »	Жабал-дл — худой мальчикъ.
Борол — (боръ — сивый, такъ имя теперешняго проф. Каз. унив. г. Катанова, родомъ сагайца).	Адай — собака.
Санждл — мальчикъ, умѣющій хорошо считать.	Аркъ — испражненія (букв. «говно»).
Олак — парнишка.	Котен — половые органы (иносказат. эпитетъ).
Сибжек — отъ сиб (сарана).	Лин (уменьш. Линче) , назв. праздника Ильина дня.
Томжан — уменьш. отъ Том.	Мувай — Николай.
Сорак — высокій ростомъ.	Илексендре — Александръ.
	Мукейле — Михаилъ.
	Баслей — Василий.
	Тумепей — Тимофей.
	Ле — Илья.

Женскія:

Борго — цвѣтокъ.	Сарах — сѣрая.
Кубан — русая (им. пепельный цвѣтъ волосъ).	Кзл — красная.
	Кара — черная.

Кара-ке—дѣвочка.
 Аѣбала—бѣлое дитя.
 Клнес—отъ сл. клн. (назв. матеріи «манчестеръ»).
 Бостай—(трудно опредѣл., что значитъ).
 Тѣмча—то-же.
 Толай—то-же.
 Сѣрек—то-же.
 Табл—то-же.
 Майнай—то-же.
 Барчѣ—скворецъ.

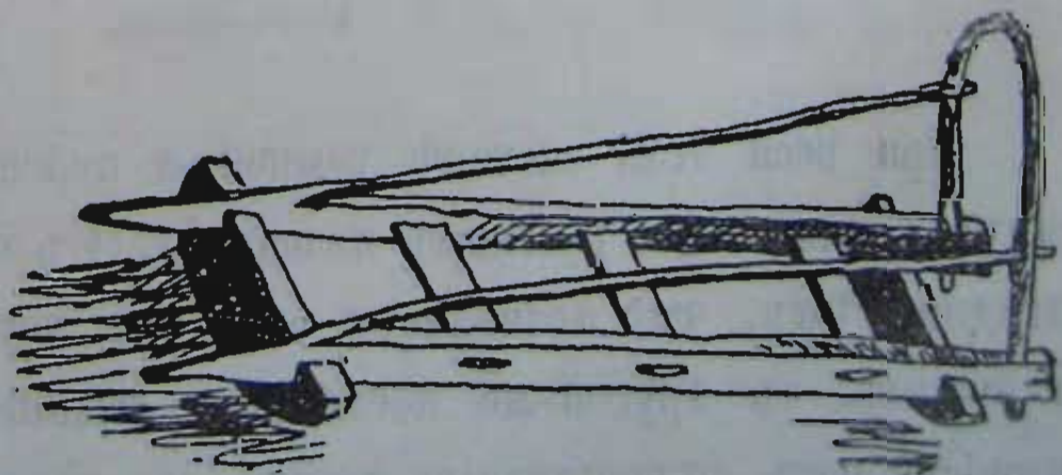
Тан—галка.
 Сѣлберек—полиц. длинное платье.
 Возрак—воскресеніе (день недѣли).
 Торгѣак—шелкъ (торг).
 Нѣнѣи—бисеръ.
 Наста—Настасья.
 Парасе—Парасковья.
 Марпа—Марфа.
 Ибдѣи—Евгенія.
 Обдѣ (Обдотья)—Авдотья.
 Олѣне—Елена.

Когда случится священнику пріѣхать въ улусъ, качинцы охотно тащатъ своихъ дѣтей крестить, ибо церковное крещеніе имѣетъ обрядности, такъ или иначе понятныя имъ; но чаще употребляемое имя—данное при рожденіи.

Надо думать, что при рожденіи «двойни» существуетъ какой-либо обычай у качинцевъ въ виду того, что такіе обычаи существуютъ, когда случаются двойни у домашнихъ животныхъ. Если корова отелится двумя телятами, то существуетъ обычай (не знаю, насколько онъ распространенъ) три раза перекочевывать въ этотъ день—къ вечеру-же возвратиться на прежнее пепелище. Если козлуха принесетъ двухъ козлятъ, то собираются съ улуса молодыя женщины и бѣгаютъ въ перегонки; обогнавшая всѣхъ получаетъ какъ призъ второго козленка. Послѣдній обычай доставляетъ большое удовольствіе всѣмъ собравшимся.

Устройство люльки. Дѣтскія игры.

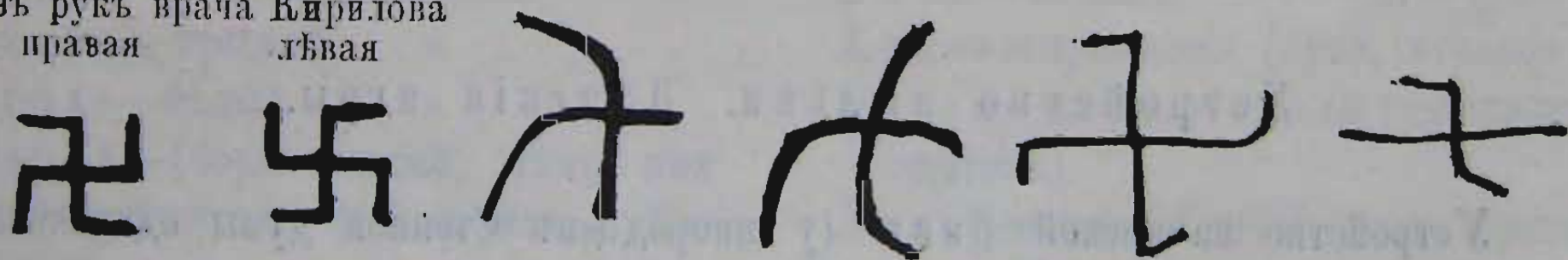
Устройство качинской бизк (у инородцевъ Степной думы одинаковое устройство) по принципу своему очень напоминаетъ люльки бурятскую и якутскую (Покровскій, вып. II, стр. 200). Бизк состоитъ изъ тонкой доски (до 1 арш. длиной) съ утвержденными на ней боковыми перильцами; но часто доска замѣняется болѣе легкимъ основаніемъ, именно двумя горизонтальными брусками съ 3—4 широкими тонкими перекладинками. Или еще того лучше и проще: два горизонтально поставленныхъ аршинныхъ куска березины съ отходящими

(Остовъ люльки).

отъ нихъ подъ острымъ угломъ боковыми вѣтвями замѣняютъ и основаніе и перильца; на этихъ брускахъ, какъ и въ предъидущемъ, утверждаются пере-кладки. Подъ низъ прибиваются деревянными гвоздями два изъ толстой доски полулунія, что даетъ возможность покачивать зыбку, какъ вольтеровское кресло, но только въ направленіи, поперечномъ ей длинѣ. Высокая спинка люльки состоитъ изъ дугообразно согнутой черемуховой вѣтки, съ выдолбленными въ ней 4 отверстіями, въ которыя и вставляются свободные концы брусьевъ и перилецъ. Съ другаго конца люльки продѣлывается на ремешкахъ небольшая полулунообразная дощечка, откидывающаяся какъ на шалнерахъ; за ея край привязанъ длинный ремешекъ. Такой-же ремешекъ съ мѣднымъ кольцомъ на концѣ прикрѣпленъ и къ верхнему концу спинки; къ брусьямъ привязаны коротенькіе ремешки, по четыре съ каждой стороны, закрѣпленные свободными концами къ длиннымъ косточкамъ отъ какой-то большой птицы. За средину каждой изъ двухъ (съ каждой стороны) косточекъ въ свою очередь привязаны длинные ремешки; спинка зыбки обшивается какой-либо матеріей. На дно зыбки кладется кусокъ бересты; берестяная мочеотводная трубка выходитъ наружу въ отверстіе вышеописанной полулунообразной дощечки. На бересту уже помѣщаютъ цѣлую систему подушечекъ, набитыхъ мягкой сухой травой; по обѣ стороны мочеотводной трубки помѣщаются продолговатыя подушечки для ногъ ребенка, лежащаго всегда на спинкѣ. Подъ верхней головной подушкой подкладывается однимъ краемъ длинный и широкій кусокъ мягкой матеріи, играющій своими свободными краями роль пеленокъ.

Изъ рукъ врача Кирилова
правая лѣвая

Печата на ступняхъ ногъ
Шигемуни.

Ветрѣченные мною орна-
менты на люлькѣ въ ул.
Усть-Бижка.

Карандашный рис. на муз. ин-
струм. «сатганъ»; нах. въ Музей
Академіи Наукъ (267 78a 89).

При всей этой системѣ ремней и пеленокъ ребенокъ однако не настолько стянутъ, какъ при русскомъ пеленаніи. Съ одной стороны инородческая люлька выгодна тѣмъ, что позволяетъ свободно переносить ребенка и не трепать его по рукамъ, съ другой-же постоянное лежаніе въ одномъ положеніи можетъ способствовать сплющиванію черепа со стороны затылка, а можетъ быть и искривленію ногъ, благодаря мочеотводной трубкѣ. Я нигдѣ не могъ пріобрѣсти подержанной люльки и заказалъ двѣ новыхъ (вторую для біологическаго музея проф. Лесгафта); повидимому, у инородцевъ существуютъ на этотъ счетъ

особыя примѣты. Какъ мнѣ кажется, люлька переживаетъ не одно поколѣніе, а болѣе. Въ качинскомъ улусѣ Усть-Бима на основномъ брусь люльки мнѣ бросились въ глаза выжженные при помощи, вѣроятно, желѣзной фигуры знаки, весьма похожіе на извѣстную свастику ¹⁾. На мой вопросъ о значеніи этихъ знаковъ, качинка сказала, что это простое украшеніе; болѣе основательно разузнать объ этомъ я не имѣлъ времени — знаю только, что такіе-же знаки встрѣчаются, какъ конское тавро, и называются т а н м а. Длинный продольный ремень люльки имѣетъ на концѣ козью ладыжку и тряпички, которыя, спускаясь надъ головой ребенка, играютъ, повидимому, роль амулета.

Краткія свѣдѣнія о дѣтскихъ играхъ сообщаетъ г. Поповъ (Изв. Г. Общ., 1884 г.). Я добавлю, что на такъ называемый «Могильной степи» между селами Аскысомъ и Усть-Есинскимъ часто попадаются на курганныхъ камняхъ новѣйшія выбивки, тождественныя съ древними, дѣлаемыя въ досужее время пастухами подростками. Болѣе всего эти современные скульпторы выбираютъ, конечно, кускомъ булыжника, изображенія человѣка.

Дѣвочки имѣютъ куклы—кѣкле; маленькіе-же парнишки очень ловко вырѣзаютъ изъ тополевой коры лошадокъ, лодочки и человѣчковъ; весной изъ тополи, осторожно снимая цѣльную трубку съ молодого ствола, дѣлаютъ свирѣли; изъ гибкихъ черемуховыхъ вѣтокъ—луки и стрѣлы.

Грамотность и школы.

Иностранцы охотно отдають дѣтей въ ученіе, но незначительное число школъ на громадномъ пространствѣ тормозитъ распространеніе грамотности. Въ Усть-Абаканской иностранной управѣ министерская 1 кл. школа (осн. въ концѣ 60-хъ годовъ), имѣетъ обыкновенно до 30 учениковъ (въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ); въ с. Аскыскомъ—министерская 2-хъ кл.—до 35 уч.; въ с. Усть-Есинскомъ—ц.-приходск., основ. въ 88 ч.—до 40 учен. Въ прошломъ 1894 г. основаны—ц.-приходск. школа въ ул. на р. Ташебѣ и въ ул. Чаркова на р. Уйбатѣ; на содержаніе послѣдней обязались вносить: 100 руб. иностранцы, 20 руб.—почетный попечитель Чарковъ и 60 руб. въ годъ—цор-

¹⁾ Свастику (крестъ съ загнут. концами), знакъ солнца монголы и буряты называютъ «юндун» или «хас» (тиб. сл.); платокъ съ такимъ знакомъ вышивается бурятами надъ дверьми юрты, какъ «знакъ благоденствія». Цитирую изъ ненапечатанной еще статьи «Почитаніе креста (свастики) у ламаитовъ» забайк. с. вр. Кириллова, приелавшаго свою рукопись въ Антропол. Общ. при С.-Пет. университетѣ. Свастика встрѣчается также на платкахъ, собранныхъ покойной г. Потаниной въ послѣднюю экспедицію ея мужа (вопросъ разрабатывается г. Стасовымъ).

ковно-прих. попечительство; эти 180 руб. идутъ на жалованіе учителю. Издержки по содержанію общежитія на 15 чел. обязался покрывать золотопромышленникъ Барташевъ, и попъ обѣщаль давать 15—20 барановъ.

Наши инородцы весьма способны: красноярская учительская семинарія видѣла въ своихъ стѣнахъ цѣлый рядъ ихъ и все они были на лучшемъ счету. Многіе изъ нихъ участвуютъ теперь въ сибирскихъ повременныхъ изданіяхъ, состоя сельскими учителями или священниками. Казанскій-же проф. Катановъ, родомъ сагаецъ, самъ себѣ пробилъ дорогу къ высшему образованію.

Отношеніе къ старшимъ въ родѣ.

О почитаніи старшихъ среди качинцевъ говоритъ г. Поповъ, и я едѣлаю къ этому дополненія. Мнѣ приходилось видѣть, какъ съѣзжались на предетоявшій свадебный пиръ въ улусѣ жениха гости, прибывавшіе зачастую изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей. Вся эта процедура такъ утомительно долго тянется, а мнѣ нужно было торопиться, ибо главной моей задачей было собраніе этнографическихъ коллекцій, что я уѣхалъ въ слѣдующій улусъ, гдѣ и встрѣтилъ невѣсту, о чемъ уже я говорилъ при описаніи свадебныхъ обрядовъ. Гости входили въ юрту съ «лагушками» араки; поставивши ихъ на земляной полъ юрты, они прежде всего направлялись привѣтствовать прибывшаго изъ ближняго улуса 105 лѣтняго маститаго старца, а затѣмъ и прочихъ присутствующихъ по старшинству. Старикъ, служившій на своемъ вѣку нѣсколько разъ по разнымъ выборамъ и бывшій родоначальникомъ (теперь упразднены), сидѣлъ по восточному на бѣломъ войлокѣ съ лѣвой стороны юрты на широкой скамьѣ. Съ особенной почтительностью относились къ нему молодая женщины: приблизившись, онѣ кланялись ему въ поясъ и цѣловали его въ обѣ щеки, а онѣ ихъ въ лобъ, затѣмъ каждая подносила ему чашечку собственной араки. Но у качинцевъ (и у племенъ Степной Думы, какъ упоминаетъ г. Каратановъ) существуетъ также обычай, встрѣчающійся съ большими или меньшими измѣненіями у различныхъ племенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, оригинальныхъ отношеній между свекромъ и невѣсткой. Начнемъ съ того, что качинцы вообще имѣютъ обыкновеніе не называть по имени предметовъ, животныхъ, людей чѣмъ-нибудь страшныхъ для нихъ: такъ медвѣдя (а ба) называютъ, обыкновенно тир-тон (теплая шуба) или аба (дѣдушка), волка (бюр или пюр-саг.) узун кузурук (длинный хвостъ), многихъ шамановъ также не по имени, а по ихъ эпитетамъ и т. д. Обычай же ¹⁾ очень строго соблюдаемый замужними женщинами, состоитъ въ

¹⁾ Знакомство съ этимъ обычаемъ я обязанъ главнымъ образомъ Мих. Ив. Райкову.

томъ, что онѣ не называютъ по имени отца, старшихъ братьевъ своего мужа и вообще всѣхъ родственниковъ мужскаго пола съ мужниной стороны по восходящей линіи. Замужняя женщина считаетъ въ высшей степени неприличнымъ показаться этимъ родственникамъ съ непокрытой головой или босикомъ; если ей необходимо войти въ юрту котораго нибудь изъ нихъ, то она еще сверхъ платка покрываетъ голову и плечи шалью или шубой; въ юрту входитъ задомъ напередъ и ходитъ только по правой сторонѣ юрты (считая отъ входа); выходитъ изъ нея также взапятки. Женщина не можетъ ни подходить близко къ этимъ родственникамъ, ни заговорить съ ними; то же и они соблюдаютъ. Она можетъ говорить съ ними, здороваться, цѣловаться и т. д. только черезъ другое лицо. Рассказываютъ, что если не случится никого по близости, то свекоръ, не обращаясь прямо къ невесткѣ, отдастъ свое приказаніе безотносительно, а она уже должна понимать и сдѣлать, что нужно. Если тотъ или другой изъ этихъ родственниковъ нечаянно близко подойдетъ къ замужней женщинѣ, то онъ долженъ взять ее за руку или за рукавъ и сказать: туттм! (держаль, поймалъ); теперь она можетъ близко подходить къ нему и разговаривать, но имени его всетаки не должна произносить. Всего строже этотъ обычай выполняется по отношенію къ свекру. Если что-нибудь изъ этихъ обычаевъ не исполняется, то родственники по мужу думаютъ, что имъ не оказывается уваженія и что ихъ даже оскорбляютъ. Вѣроятно, ранѣе обычай этотъ еще строже выполнялся: такъ передаютъ, что на р. Юсѣ одинъ богатый качинецъ 5 лѣтъ не видалъ лица своей невестки, объясняя это избѣганіе только тѣмъ, что и его отецъ нѣсколько лѣтъ избѣгалъ видѣть лицо невестки жены упомянутаго качинца; такъ же поступала и невестка.

Этотъ распространенный обычай еще не нашелъ для себя удовлетворительнаго объясненія, хотя и существуетъ нѣсколько гипотезъ (Леббокъ, Фритчъ, см. также Петри Антропология, I, стр. 478).

Супружескія отношенія.

Г. Каратановъ (Изв. Г. Общ., т. XX) между прочимъ замѣчаетъ: «Супружеская любовь у инородцевъ едва-ли существуетъ. Мужъ и жена обращаются другъ съ другомъ, какъ чужіе; ласкъ и любезностей нѣтъ въ поминѣ, и чувство ревности имъ неизвѣстно». Пожалуй, и среди русскихъ крестьянъ можно не найти ни ласкъ, ни любезностей между супругами; такъ какъ простой человекъ не любитъ кичиться своими чувствами, не показываетъ ихъ всѣмъ и каждому. Правда по отзывамъ М. И. Райкова, качинки далеко менѣе страстны, чѣмъ русскія женщины; но все же упомянутый авторъ хватилъ че-

резь край и его замѣчаніе врядъ-ли вѣрно и по отношенію къ прочимъ племенамъ. Я думаю, что супруги у качинцевъ относятся другъ къ другу со взаимнымъ уваженіемъ; одинъ безъ другого не предпринимаетъ болѣе или менѣе серьезнаго дѣла; мужъ любитъ, чтобъ жена его наряжалась, и на ея наряды онъ не жалѣетъ большихъ затратъ. Тогда какъ самъ онъ обыкновенно одѣтъ очень просто, у женщинъ заполнены зачастую сундуки разнымъ добромъ, очень ревниво охраняемымъ хозяйками¹⁾. Мнѣ пришлось однажды зайти въ бѣдную листовенную юрту и здѣсь то, какъ оказалось, и царить самое настоящее, на обыденномъ языкѣ, счастье. Въ этой юртѣ живутъ молодые супруги; мужъ состоитъ пастухомъ у богатаго инородца, жена ему помогаетъ и хозяйничаетъ. По стѣнамъ на полкахъ разставлено очень мало посуды; вѣроятно, не много у этихъ супруговъ и скота, но посреди юрты стоялъ перегонный для араки аппаратъ; на полу лежала цѣлая куча зеленыхъ вѣтвей черемухи, и качинецъ «забавлялся» ягодами. Жена наигрывала на комѣ и, по моей просьбѣ, аккомпанировала своеобразнымъ горловымъ голосомъ. Когда-же мужъ на мой вопросъ (не знаю почему качинки избѣгаютъ говорить по-русски, хотя-бы и хорошо владѣли языкомъ), сколько лѣтъ ему самому и его женѣ и какъ её зовутъ, далъ мнѣ отвѣтъ, жена высказала неудовольствіе (опять наталкиваемся на повѣріе) и очень мило трепала его за густые волосы и давала ему тумакі; супругъ защищался и хохоталъ во всю глотку!

При мнѣ къ одному священнику приходилъ качинецъ и просилъ поскорѣй повѣнчать его. Съ дѣвкой-то де онъ сговорился и укралъ её, помѣстивъ на время въ сосѣднемъ улусѣ; но отецъ хочетъ её выдать за другого и собирается перекрасть её отъ него. Этотъ примѣръ также говоритъ самъ за себя. Я уже говорилъ, что неравенство въ годахъ нерѣдко бываетъ причиной того, что качинецъ беретъ себѣ другую жену; первая-же его не ревнуетъ, но зато предоставляетъ себѣ полнѣйшую свободу. Однако бываетъ и иначе: рассказываютъ нѣсколько случаевъ самоубійствъ (повѣшеніе), гдѣ играли роль привязанность, любовь (какъ хотите, назовите) или ревность; въ послѣднемъ случаѣ будто бы жертвой чаще является женщина. Проскуряковъ, путешествовавшій въ 1889 г. по поруч. Вост. Отдѣла. Геогр. Общ. рассказываетъ, что наткнулся однажды въ пещерѣ по Б. Юсу на трупъ молодого качинца, застрѣлившагося (изъ кремневого ружья) по той причинѣ, что его отецъ не позволилъ ему жениться на любимой имъ дѣвушкѣ.

¹⁾ При коллектированіи всего труднѣе было добывать шаманскіе амулеты и женскіе костюмы; послѣдними женщины страшно дорожатъ и если отдають, то обрѣзають верхнюю пуговицу; объясненіе этой примѣты мнѣ неизвѣстно.

Приведу пять маленьких пѣсенокъ, какъ нѣсколько характеризующихъ супружескія отношенія; пѣсенки—поэтичны и болѣе имѣли-бы значенія, записанныя на туземномъ языкѣ; я ихъ имѣю въ переводѣ самого пѣвца, уже упомянутого мною Агола Тоборова.

1) «Черезъ болотистое, грязное мѣсто рысью не поѣду; брюхатую дѣвку за себя не возьму».

2) «Подъ красный камень красная лисица заскакиваетъ, когда человекъ зареветъ; ко лисѣ красная дѣвка придетъ—когда я закричу. Подъ черный камень черная лисица бѣжитъ, когда се испужаешь; ко мнѣ придетъ дѣвка съ черной косой—когда я плетью постращаю».

3) (Дѣвичья пѣсня): «Ты хочешь меня выдать за богатаго—онъ худой (джябѣл), даромъ что богатый. Пойду, говорить, за другого—онъ ходитъ въ сапогахъ, онъ умный, хорошій!»

4. Былъ богатырь Сайзанъ. Онъ помиралъ на Бѣлогорьѣ и сказалъ народу, который былъ около него: «Идите къ женѣ и скажите, чтобы Сайзана поминать пришла»... Идетъ жена и говоритъ: «Ведите меня, гдѣ Сайзанъ померъ—не ведите грязнымъ мѣстомъ, а чистымъ Сайзана поминать. Зачѣмъ, говоритъ, ты, милый, померъ въ топкихъ мѣстахъ, въ густыхъ лѣсахъ? по хребтамъ не могу пройти къ тебѣ—чистаго мѣста нѣтъ!..»

5. (Дѣвки поютъ): «Игрений конь съ бѣлой гривой попалъ ко мнѣ въ руки—догоните меня теперь!..» (такъ говоритъ замужняя баба, полюбившая другого).

Музыкальные инструменты ¹⁾.

Если судить по тому, что въ каждой качинской куртѣ встрѣчается комса въ иныхъ еще и чатган, то должно будетъ признать качинцевъ очень музыкальнымъ народомъ. Оба инструмента встрѣчаются и у прочихъ племенъ, но не знаю, такъ же ли широко они распространены.

Комса, напоминающій мандолину, имѣетъ видъ большой деревянной ложки, затянутой сверху кожей; у него—двѣ струны изъ конскаго волоса; обыкновенно одна изъ нихъ бѣлая, другая—черная. Длина комса до 80 сант. Строй комса—квинта do-sol, по опредѣленію г. Руссовой. Менѣе распространенный чатган—очень оригинальный инструментъ, имѣющій себѣ подобіе въ нерав-

¹⁾ Отдѣльный очеркъ о музыкальных инструментахъ качинцевъ будетъ напечатанъ (съ рисунками) въ «Verhandlungen der Berlin. Gesellsch. für Anthropologie, Ethnol. und Urgeschichte».

ненно болѣе изящномъ японскомъ «Siy-по Koto» (1 saitige Koto)¹⁾. Это выдолбленный, длинный и узкій, съ тонкими стѣнками, ящичекъ, съ натянутыми на его тыльной сторонѣ семью (по словамъ г. Попова, отъ 5 до 9) изъ тонкой мѣдной проволоки струнами; изъ послѣднихъ только одна цѣльная, остальные же надставлены не одинаковой длины веревочками изъ конопля или

«Чатган».

изъ воловьихъ жилъ. Подъ струнами ставятся въ различныхъ мѣстахъ бараньи лодыжки (казы), но никогда позвонки (какъ у г. Каратанова); лодыжки ставятся въ вертикальномъ положеніи, чтобъ струна соприкасалась въ подставкой въ одной точкѣ. Нижнее отверстіе одного изъ привезенныхъ мною чатгановъ задѣлано тонкой дощечкой и внутрь набросаны мелкіе камешки; этотъ инструментъ имѣетъ на концахъ украшенія въ видѣ большихъ завитковъ; второй чатганъ значительно проще, но имѣетъ съ боковъ различныя карандашныя изображенія. Длина чатгана отъ 1 до 1½ метровъ (вычурный чатганъ этногр. Муз. Академіи длиной 147 см., ширина верхней доски—15 см.; къ низу онъ расширенъ—18 см., высота—12 см.).

Чатганъ или джятыханъ для хорошаго музыканта представляетъ больше простора для импровизаціи. Уже не разъ упомянутый мною Аголъ такія выдѣлывалъ на немъ пьянессимо и такъ ловко усиливалъ звуки, рассказывая про богатыря «Хан-Возрах-ѣтых-хар-Тыгà» и его сестру «хан-Зàбах», что я дивился столько же его удивительному искусству владѣть своимъ незамысловатымъ инструментомъ, сколько и умѣнью вложить душу въ свой рассказъ и украсить его юморомъ (конечно, о послѣднемъ я могъ судить только по отзывамъ самихъ инородцевъ). Обыкновенно рассказчикъ приглашается къ какому-либо празднеству, и его поэма, начинаясь послѣ заката солнца, продолжается до утренней вари. Цѣніе каждаго куплета оканчивается характернымъ голосовымъ дрожаніемъ, какъ я замѣтилъ, выполняемымъ съ большимъ напряженіемъ²⁾. Окончивъ куплетъ подъ аккомпаниментъ комса или чатгана (повидимому, на послѣднемъ инструментѣ играютъ главнымъ образомъ дѣвушки и женщины), сказочникъ передаетъ обыкновенной рѣчью содержаніе спѣтаго и продолжаетъ далѣе. Позволю себѣ привести здѣсь еще маленькую пѣсенку, сообщенную тѣмъ-же Аголомъ. Поетъ пьяный инородецъ:

¹⁾ Берлинскій «Museum für Völkerkunde» Saal VII, Sekrank 29.

²⁾ Мнѣ кажется, не слыхавъ трудно себѣ представить эти оригинальные горловые звуки. Очень много сказокъ знаетъ наизусть и замѣчательно искусно подражаетъ сказочникамъ знатокъ турецкихъ языковъ акад. Радловъ.

«Синвйй конь, поѣшь бѣлой травы! Я самъ—пьянъ, самъ сплю... Бѣлая трава, съѣшь моего коня! Я самъ—пьяный, лягу-отдохну...»

Весьма рѣдко встрѣчается еще сойотской работы извѣстный музыкальный инструментъ, проходящій, вѣроятно, черезъ все азіатскія народности; состоитъ онъ изъ (ромбовиднаго въ поперечникѣ) тонкаго желѣзнаго прута, согнутаго петлей и изъ припаянной къ нему по срединѣ узенькой стальной пластинки, длинной и имѣющей колѣнный изгибъ. Добытый мною желѣзный комъ, какъ называли мнѣ этотъ инструментъ, имѣетъ всего сантим. семь длины. «Подашь инородцу стаканъ водки и пошлешь его впереди партіи наигрывать—и рабочіе повеселѣе идутъ», рассказывалъ мнѣ про этотъ комъ одинъ золотопромышленникъ, ходившій зимой на розыски золота. Къ музыкальнымъ же инструментамъ нужно отнести быргы и сымыха, пріобрѣтенные мною отъ охотника-качинца. Первый представляетъ выдолбленную деревянную съ тонкими стѣнками трубку сантиметровъ 50—60 длиной; постепенно расширяясь, быргы имѣетъ при началѣ очень узенькое отверстіе, въ которое, при употребленіи, вставляется берестяная трубочка; нѣсколько берестяныхъ поясковъ вокругъ быргы не позволяютъ ему растрескиваться. Нужно долгое упражненіе, чтобъ, вбирая въ себя воздухъ, издавать пронзительный своеобразный крикъ и подражая такимъ образомъ голосу самки сына (*Cervus Elaphus*), призывать самца. Сымыха—это кусочекъ бересты сложенный вдвое; взявъ въ ротъ, охотникъ подражаетъ крику козленка, вызывая самку: длина этой пикульки 3—4 ст.

Управленіе, подати, судъ.

Изъ своей среды качинцы выбираютъ на 3 года родовыхъ старость—семь по числу родовъ и на 1 годъ улусныхъ старшинъ; послѣдніе часто на нѣсколько маленькихъ улусовъ—одинъ; затѣмъ—нѣсколько человекъ сборщиковъ податей. Въ центральномъ же учрежденіи, Абаканской инородной управѣ, засѣдаетъ голова, выбираемый на 3 года и два «выборныхъ»—также на 3 года; послѣдніе поочередно проживаютъ въ управѣ. При нихъ писмоводитель или писарь и три его помощника (въ Степной Думѣ ихъ зовутъ улусными писарями); но часто на дѣлѣ все это инородческое начальство состоитъ при писмоводителѣ, какъ человекъ наиболѣе познавшемъ тайны канцелярскія.

Изъ приводимой таблицы официальныхъ ¹⁾ свѣдѣній за 1893 годъ

¹⁾ Я уже говорилъ, что офиц. свѣдѣнія обыкновенно ниже дѣйствительныхъ; затѣмъ для меня остается неяснымъ, что здѣсь подразумѣвается подъ «кочевыми» инородцами (см. ранѣе численность инородцевъ).

Категоріи плательщи- ковъ.	С б о р о в ъ.										Засѣваніе земли.		Общая до- ходность.		К о л и ч е с т в о .					Состоятъ недопмокъ на отдѣльныхъ плательщикахъ.	
	Государ- ствен- ныхъ.		Земскихъ и эконо- мич. ка- питала.		Содержа- ніе Упра- вы и Ду- мы.		Экстро- ординар- ныхъ.		Натураль- ныхъ (на деньги).		Количе- ство де- сятинъ.		Отъ про- мысловъ.		Лошадей.		Рогатаго скота.		Мелкаго скота.		
	На всю Упра- ву или Думу.	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—		На окл. душу.
	Руб.	К.	Рубли.	Рубли.		Коп.	Рубли.						Руб.								
Абаканск. инор. Управа.																					
Кочевые инород- цы	64,38	3 к.	2260,63	1,5	2688,5	1,25	—	5 ¹ / ₂ к.	6865	3,2	611	0,25	—	6,72	33803	16	20837	10	119138	55	
Аскызская Ст. Дума соеди. разнородн. пле- мень.																					
Кочевые ино- родцы	89,38	3 к.	3145,8	1,5	4929	1,65	—	—	6664,5	2,23	2773	1	—	5,38	20380	7	24319	8	60860	20	

прежде всего можно познакомиться съ положеніемъ инородческаго скотоводства и хлѣбопашества, о чемъ я обѣщаль сообщить, говоря ранѣе о занятіяхъ инородцевъ. Затѣмъ по вопросу о сборахъ я сдѣлаю нѣсколько дополненій. Положимъ, что расчетъ сборовъ произведенъ вѣрно, но вѣдь онъ сдѣланъ по числу ревизскихъ душъ; послѣдняя ревизія была 37 лѣтъ тому назадъ, и съ той поры населеніе хоть немного, но возросло. Подати, какъ утверждаютъ, собираются съ cadaго взрослого инородца—такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, куда идутъ лишнія деньги? Далѣе разсказываютъ о чисто полюбовномъ соглашеніи у качинцевъ: между ними совершенно не замѣчается крайнихъ бѣдняковъ, а исходя изъ этого, отчего не предложить качинцамъ платить не 5 руб. 58¹/₂ коп., какъ по нашей таблицѣ, а 9 коп. болѣе. Эти 9 коп. дѣлятъ между собою поровну голова и двое выборныхъ, и у cadaго въ отдѣльности оказывается до 150 руб. въ годъ. Я не знакомъ подробно съ дѣятельностью писмоводителей и писарей, однако, судя по нѣкоторымъ фактамъ, эти личности должны быть причислены къ злымъ духамъ шаманскаго культа и ихъ безпрестанно слѣдуетъ умилоствлять, чтобъ они какъ-нибудь не «напакостили». Писмоводитель подчиненъ засѣдателю и послѣдній окружному исправнику ¹⁾. Старосты, а также—въ болѣе важныхъ случаяхъ выборные и голова являются судьями. Улусъ старосты—это центръ, гдѣ всегда можно встрѣтить много празднаго люда. Бѣдному человѣку выгоднѣе быть старостой, нежели богатому; такой родовой староста, какъ говорятъ, почти всегда станетъ на сторону богатаго; затѣмъ онъ старается для разбора дѣлъ вѣхаться къ какому либо богачу или къ одному изъ тяжущихся лицъ, чтобъ не поить и не кормить эту вѣчную орду гостей. Заинтересованныя стороны вѣдутъ къ старостѣ обязательно съ водкой. Старики и начальство, покуривая трубки и угощаясь аракой, не спѣша разбираютъ дѣла. Небогатому человѣку трудно также, какъ разсказываютъ, тягаться и съ шаманомъ: начальство боится ихъ мстительности. Такъ одинъ качинецъ передавалъ мнѣ, что дочь одного вліятельнаго шамана, по смерти своего мужа, сына разсказчика, ушла къ отцу, и послѣдній не возвратилъ этому качинцу половины даннаго за не-вѣстку калыма, какъ требуется обычаемъ; въ калымъ же дано: 2 бѣгунца да 2 кобылы, баранъ заколотъ на свадьбѣ да 45 руб. деньгами. Староста, боясь

¹⁾ Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ въ Минус. окр. былъ исправникомъ нѣкій Барановъ, пользовавшійся безгрѣшными доходами и съ крестьянскаго начальства и съ инородческаго. Одинъ священникъ мнѣ разсказывалъ, что онъ разъ «собственными глазами» видѣлъ, какъ писарь Еф. Сем. Катановъ, сосланный теперь въ Якутск. Обл., получилъ отъ Баранова записку и тотчасъ же вложилъ въ конвертъ 500 руб. и немедленно послалъ. Исправникъ проигралъ въ карты въ компаніи золотопромышленниковъ.

шамана, ничего не предпринялъ для разбора дѣла. Однако, говорятъ, женщина, съ которой мужъ дурно обходится, всегда находитъ защиту у судей и, если она принуждена развестись съ нимъ, то мужу можетъ быть предписано возвратить ей приданое, безъ возврата со стороны ея родителей калыма.

Болѣзни и врачебная помощь.

Во время моихъ поѣздокъ по степи, ко мнѣ то и дѣло обращались съ разными болѣзнями и приходилось только жалѣть, что не могъ оказывать никакой помощи. Отъ васъ требуютъ какого-либо радикальнаго средства, а вы видите, что многое зависитъ отъ совершеннаго пренебреженія гигиеническими условіями жизни, которыя нужно измѣнить. Но это послѣднее положеніе не такъ легко втолковать инородцу, ибо здѣсь мы наталкиваемся на своеобразныя взгляды на болѣзни и смерть, связанныя съ шаманствомъ. У взрослыхъ чаще встрѣчаются лихорадки и какъ слѣдствіе обильнаго дыма въ юртѣ — глазныя болѣзни; послѣднія чаще бываютъ у женщинъ, какъ болѣе имѣющихъ дѣло съ дымомъ. Сифилисъ у качинцевъ, какъ говорятъ, совершенная рѣдкость; я думаю, что, будучи болѣе обезпеченнымъ и вообще болѣе стойкимъ и энергичнымъ племенемъ, чѣмъ напр. несчастные обскіе остяки, качинцы счастливо отстаиваютъ свою индивидуальность.

Г. Пошовъ (Изв. Геогр. Общ. т. XX) говоритъ о качинскихъ «симонтахъ» и о средствахъ ¹⁾ ими употребляемыхъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Я сообщу, что мнѣ извѣстно о лѣкарственныхъ травахъ и приведу ихъ названія, записанныя въ бальтирскомъ улусѣ Опака Асачакова.

Ш ю р ь - ѓ д ѓ — Волчья трава (*Goniolimon speciosum* Boiss. Plumbog) бываетъ, яко-бы, двухъ родовъ; безъ цвѣтка — для женщинъ и съ цвѣткомъ — для мужчинъ.

К ѳ к - ѓ д ѓ — Козья трава (*Conioselinum Fischeri* Win at Grab). Настой на корняхъ какъ одного (см. примѣч. «Бюрго-отъ») такъ и другого ра-

¹⁾ Желчь ворона и медвѣдя; «кошевестикъ» (?) — какъ противолихорадочное лѣкарство; крапива (*urtica saarabina* L.), распаренными вѣтвями которой растираютъ при ревматизмахъ больныя мѣста; для послѣдней г. Мартыновъ длетъ качинск. названіе с а х ч а и - о т. Изъ брошюрки г. Мартынова (Каталогъ народно-медвц. средствъ Минусинск. музея, Красноярскъ, 93 г.) здѣсь же и позволю себѣ привести, что касается инородцевъ. Т у д а и - о т конехвостникъ (вѣроятно, конехвостикъ г. Попова) *Hippuris vulgaris* L. Naloragaeae. Употребл. отъ лихорадки въ видѣ отвара и для окуриванія. Т и з ы - о т. Асопитамъ *Lycoctonum* L. (Ranunculaceae), корни отъ зубной боли (кладутъ на больной зубъ) употр. сагайцами. В ю р ю - о т., *Goni Limon speciosum* Bois изъ Plumbagineae, у качинцевъ, но для чего (?); крестьяне же употребляютъ эту траву отъ белой у женщинъ.

стенія употребляется внутрь при изломѣ костей. По разсказамъ, въ давнюю пору охотники подмѣтили, что волкъ и коза, когда ихъ подстрѣляютъ, изломають кости, хватають на бѣгу одну изъ этихъ травъ. Подобное сообщеніе дѣлаетъ г. Поповъ (Изв., т. XX) въ ск. о Баян-кыс.

Бàра-бàе-тых-òд — Черноголовка (*sanguisarba officinalis L.*) — настой кореньевъ отъ боли въ животѣ.

Ос — осиновая кора, пьютъ отъ лихорадки.

Ах-бàе-од — Бѣлоголовникъ употребляется какъ чай (объ этомъ я говорилъ ранѣе и назвалъ его, по коллекціи. Минус. муз., «маршалы-сиген»; у г. Попова — «чай-лѣх-сигань») и, по всей вѣроятности, какъ лѣкарственное растеніе.

Ни врача, ни фельдшеровъ, ни акушеровъ на этомъ громадномъ пространствѣ почти съ 30 тыс. жителей — нѣтъ; кой-какія лѣкарства имѣють духовныя особы и даютъ ихъ, буде къ нимъ обращаются; главнымъ медицинскимъ средствомъ у нихъ служить — хининъ. Въ послѣднія 15 лѣтъ инородцы Степной Думы два раза, какъ передавалъ мнѣ одинъ миссіонеръ, составляли приговоръ о приглашеніи фельдшера; но «губернія», руководясь какими то неизвѣстными соображеніями, отклонила оба приговора. Но въ прошломъ 1894 году приговоръ качинцевъ о приглашеніи фельдшерицы г-жи Девятовой принятъ былъ и губернскимъ начальствомъ. На средства церковно-приходскаго попечительства въ Абаканской инородной управѣ устраивается небольшая больничка; но главной задачей г-жи Девятовой, человѣка хорошо знакомаго съ своимъ дѣломъ и преданнаго ему, будутъ постоянные объѣзды по улусамъ.

Шаманство.

Съ этимъ сложнымъ и важнымъ вопросомъ я знакомъ весьма мало и хотя видѣлъ 3 качинскихъ шамановъ и одну шаманку, но съ ихъ дѣйствіями не имѣлъ времени ознакомиться, почему и ограничусь только нѣкоторыми замѣтками, по разсказамъ самихъ инородцевъ и главнымъ образомъ М. Ив. Райкова. Въ силу шамановъ вѣрятъ всѣ качинцы за исключеніемъ какого-либо десятка мужчинъ, да и тѣ въ критическіе моменты прибѣгаютъ къ помощи шамановъ. Незадолго до моего пріѣзда въ степь, случилось одному богатому качинцу, родовому старостѣ и человѣку сравнительно развитому, очень серьезно заболѣть. Онъ тотчасъ же послалъ въ г. Минусинскъ за 50 вр. своихъ лошадей за врачомъ. Въ точности исполняя приказанія послѣдняго и принимая какіе то порошки, больной, по отъѣздѣ врача, для вѣрности пригласилъ ша-

мана. Когда же врачъ черезъ нѣсколько дней снова прѣхалъ, инородецъ уже выздоровѣлъ и заявилъ врачу, что онъ собственно не знаетъ, помогли ли ему порошки или шаманъ.

Кастренъ и г. Поповъ (Изв., т. XX) говорятъ о существованіи у качинцевъ представленія о высшемъ божествѣ, творцѣ міра Кудаѣ; но тутъ же Кастренъ упоминаетъ и о «джиты-кудай» (семь кудаевъ) и о «тогоз-кудай» (девять кудаевъ)¹⁾. Райковъ же рѣшительно отрицаетъ существованіе представленія у своихъ соплеменниковъ о единомъ высшемъ божествѣ. Во время же общественныхъ жертвоприношеній, вопросъ о которыхъ, встать сказать, совершенно еще не выясненъ, призываютъ горныхъ духовъ—«хозяевъ» ез'; обращаясь же къ небеснымъ духамъ, зовутъ ихъ ја й г л а р (создатели, творцы); эпитетъ всѣхъ духовъ к ай ра кан. Плѣская молоко какъ бы по направленію къ духу, качинцы произносятъ: с ѳ к! но значеніе этого слова, кажется, и самимъ имъ неизвѣстно. Объ общественныхъ празднествахъ можно только сказать, что всѣ они совершаются на горныхъ вершинахъ и вдали отъ могилъ, какъ «мѣста не чистаго»; одни празднества бываютъ общими, и здѣсь присутствуетъ также и шаманъ, другія устраиваются только мужчинами (берутъ и мальчиковъ), и шаманъ не приглашается—это праздникъ, называемый г. Поповымъ «принесеніе великой жертвы небу». Общія-сѣзжія празднества, по словамъ качинца Ив. Доможакова, бываютъ обязательно въ іюнѣ, но въ разныхъ мѣстахъ въ разные числа; вторыя же весной (вѣроятно въ маѣ). Общія празднества, если не во всѣхъ углахъ Качинской степи, то въ большинствѣ, устраиваются въ 3 года одинъ разъ и для нихъ устройства, надо думать, служатъ постоянныя опредѣленные мѣста, особенно выдающіяся горныя вершины. Такъ г. Поповъ упоминаетъ о дѣйствительно замѣчательно красивой вершинѣ Ирть или Самохвалъ; въ 30 вр. отъ устья по Абакану находится высокая горная цѣпь Из ѳ х; между улусами Чаркова (на р. Уйбатѣ) и Синявинскимъ сфотографирована мною красивая К ѳ х-Т а х (синяя гора), на которой, какъ сообщили мнѣ въ улусѣ, бываетъ праздникъ У д у-К ю н (великій день) подъ рядъ три года (послѣ чего можетъ быть переходать на другую вершину?). Вблизи улуса Тазминскаго (на р. Барѣ) указываютъ на гору Т а и д ж ѳ н, называемую по имени самого празднества.

Въ Степной Думѣ въ с. Усть-Есинскомъ отъ любителя-фотографа Д. Р. Долинина я получилъ фотографію многолюднаго (верхами, на телегахъ) сѣзжіаго празднества Т а г-т а н д ж е н на горѣ Имчѣх-таглар (женскія груди). Въ качинскомъ улусѣ Ив. Доможакова про общественное празднество Т а и х (по-

¹⁾ Цитировано изъ «Землеводѣнія Азии Риттера» 1877 г.

клоненіе), на которое съѣзжаются изъ многихъ окрестныхъ улусовъ мужчины, женщины и дѣти, рассказывали, что шаманъ камляетъ тамъ надъ «бурымъ» конемъ, просить дождя, здоровья для скота и людей и проч.; затѣмъ коня отпускаютъ, не расплетая у него лентъ изъ гривы. Коня этого въ упряжку уже не запрягаютъ, а ѣздить верхомъ можетъ только хозяинъ, женщины же не должны даже прикасаться къ такому коню, называемомъ изъикъ. Послѣ этого закалываютъ курагановъ, весеннихъ барашковъ, и начинаютъ пить айранчикъ. Про празднество второго рода передавали мнѣ въ ул. Инкежекова на р. Бирѣ: праздникъ Таиръ бываетъ въ маѣ; участвующіе (мужчины и мальчики) предварительно чисто моются и окуриваются душистой травой и рбѣн¹⁾; на гору ѣдутъ верхами. Мѣсто празднества не должно быть близъ могилъ; собакъ съ собой не берутъ. Кто желаетъ, привозитъ курагана, но непременно бѣлаго; тамъ же дѣлаютъ и столики изъ березоваго дерева и бересты. Но вѣрнѣе, что одинъ столикъ или корытце для жертвеннаго мяса (см. у Попова); въ этомъ именно духъ мнѣ и говорили въ с. Усть-Есинскомъ (но у инородцевъ Степной думы), называя празднество Таг-таирге (поклоненіе на горѣ, жертвоприношеніе—неопред. накл. глагола), гдѣ бросаются въ костеръ три лучшихъ, жирныхъ куска, какъ пища духамъ, присутствующимъ при празднествѣ.

Для объясненія слова «шаманъ» существуютъ разныя предположенія (такъ см. Пешель. Народовѣдѣніе. стр. 268). Качинцы зовутъ шамана кам, а его дѣйствіе камнйрга; сибиряки-крестьяне называютъ его шаманчикъ, а за ними и инородцы сами, произнося это слово, какъ я слышалъ, «шаманчикъ». М. И. Райковъ думаетъ, что слово «шаманъ» придумано русскими: первые-де поселенцы среди шаманистовъ, не зная туземнаго языка, могли принять невнятное бормотаніе шамана за частое произнесеніе слова «шама, шама»; отсюда-де и могло произойти шаманчикъ или шаманъ²⁾. Насколько такое объясненіе заслуживаетъ вниманія, я не могу ничего сказать.

Качинцы вѣрятъ въ существованіе духовъ-«хозяевъ» въ горѣ, рѣкѣ, звѣрей, юртѣ, огня и пр., духовъ-покровителей семьи зѣ (изъикъ), въ особыхъ духовъ каждой семьи-тѣс; дѣленія духовъ на добрыхъ и злыхъ нѣтъ у качинцевъ, и каждый изъ духовъ можетъ нанести болѣе или менѣе чувствительный вредъ семьѣ, если ему не оказывать почитаній. Умилостивлять духовъ и предотвращать ихъ каверзы могутъ только шаманы посредствомъ жертвоприношеній и различныхъ обрядностей. Семья же должна держать въ

¹⁾ Богородицкая трава—*Thymus serpyllum* L. Labiatae.

²⁾ «Сибирск. Вѣстн., 1894 г. № 118.

исправности и охранять извѣстнаго устройства предметы (амулеты) и даже животныхъ, посвященныхъ шаманомъ духамъ. Я уже говорилъ объ изыкѣ, конѣ, посвященіе котораго, насколько я понимаю, именно и дѣлается съ цѣлью гарантировать семью отъ злонамѣренныхъ посягательствъ духовъ зѣ.

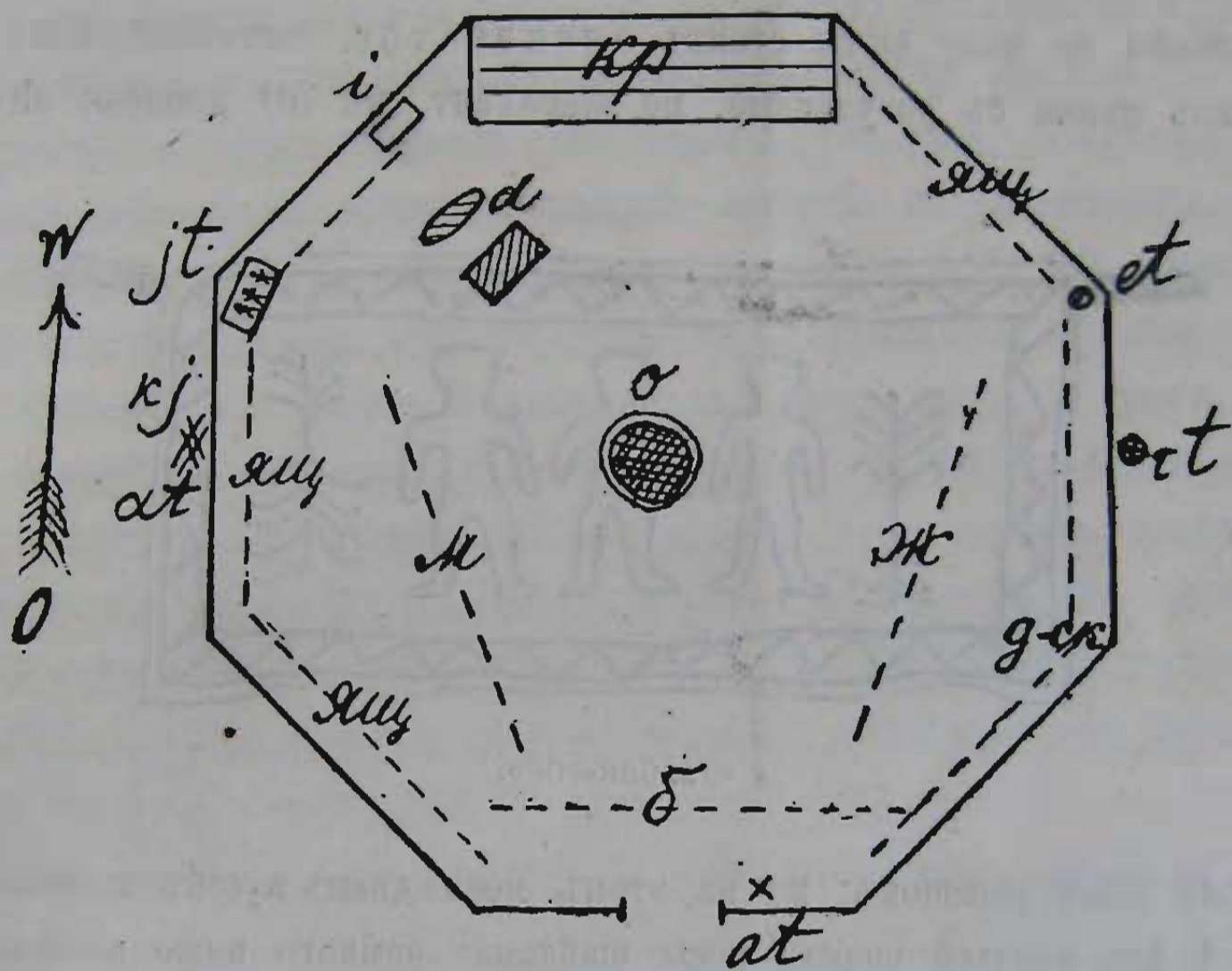
Посвященіе простой лошади (жеребца) въ изыка составляетъ, вѣроятно, самостоятельное празднество; такъ въ Минус. музеѣ находится картина художника Станкевича изъ быта качинцевъ (?) подъ названіемъ «Посвященіе изыка»; конь тамъ изображенъ бѣлымъ; картина эта очень цѣнна, если только г. Станкевичъ, какъ не этнографъ, не сдѣлалъ въ ней какихъ либо художественныхъ отклоненій отъ истины (такъ у него неправильно изображена одежда шамана). Въ сагайскомъ Прокопьевск. ул. близъ Аскыса мнѣ передавали, что изыкомъ можетъ быть также и корова «бурой» шерсти и овца (вѣрнѣе баранъ)—бѣлая съ лисыми (цвѣта красной лисицы) щеками, лошадиный же изыкъ бываетъ разной масти; если хозяинъ или хозяйка заболѣетъ, то шаманчикъ можетъ сказать, что необходимо перемѣнить изыка; тогда его закалываютъ и съѣдаютъ и посвящаютъ новаго той же масти; также дѣлаютъ, яко бы, если и состарится изыкъ. Тамъ же сообщали, что при пропажѣ лошадей, призываютъ кама, и послѣдній бросаетъ въ костеръ правую овечью лопатку, обернувъ ее въ солому, и по трещинамъ на ней узнаетъ, гдѣ находится конь, при чемъ добавляетъ: «хорошо, что у тебя есть изыкъ, коня твоего недалеко увели!» На качинскомъ нарѣчій изык (зѣ) значитъ «укромное мѣсто».

Амулетовъ же, спеціально приготовляемыхъ шаманомъ и посвященныхъ духамъ, я думаю, не менѣе 20, а можетъ быть и болѣе названій. У качинцевъ мнѣ удалось добыть всего 8 разновидностей; Минусинскій музей обладаетъ полною коллекціею, но большинство амулетовъ добыты имъ среди кизильцевъ ¹⁾ см. (Клеменць, «Замѣтка о тюсяхъ», Изв. В. Сиб. Опт. Г. О., т. XXIII, 92 г.). Собираніе этихъ предметовъ представляетъ большія затрудненія: мало того, что ихъ въ большинствѣ трудно замѣтить, качинцы съ большою неохотой позволяютъ разсматривать эти предметы и никоимъ образомъ не уступаютъ; ихъ можно добыть только у шамановъ или заказать какой-либо шаманѣ приготовить новые. Амулеты эти, въ большинствѣ, называются тѣс; въ каждой качинской куртѣ безъ исключенія встрѣчаются тилѣк-тѣс и јалбак тѣс. 1) Первый приставляется снаружи юрты съ сѣверной стороны (выходъ на востокъ) и представляетъ тонкую палку аршинъ до 1½ длиной съ рогульками на концѣ; къ козьему ремешку, привязанному къ обоимъ кон-

¹⁾ Кизильцы обитаютъ въ Качинскомъ окр. Енис. губ.

цамъ развалины, прикрѣпленъ кусокъ зеленого сукна и кусокъ шкурки отъ овечьяго курдюка съ 4 короткими веревочками, свитыми изъ черной и бѣлой овечьей шерсти; послѣдняя, по объясненію одной качинки, косы шайтана. Дѣйствуетъ амулетъ и для людей и для скота ¹⁾, кормятъ его кашей. 2) Внутри юрты съ лѣвой стороны (считая отъ входа), неподалеку отъ иконы, подвѣшивается на козыхъ ремешкахъ кусокъ холста (сантим. 40 длины и 20

Схема начинской юрты.

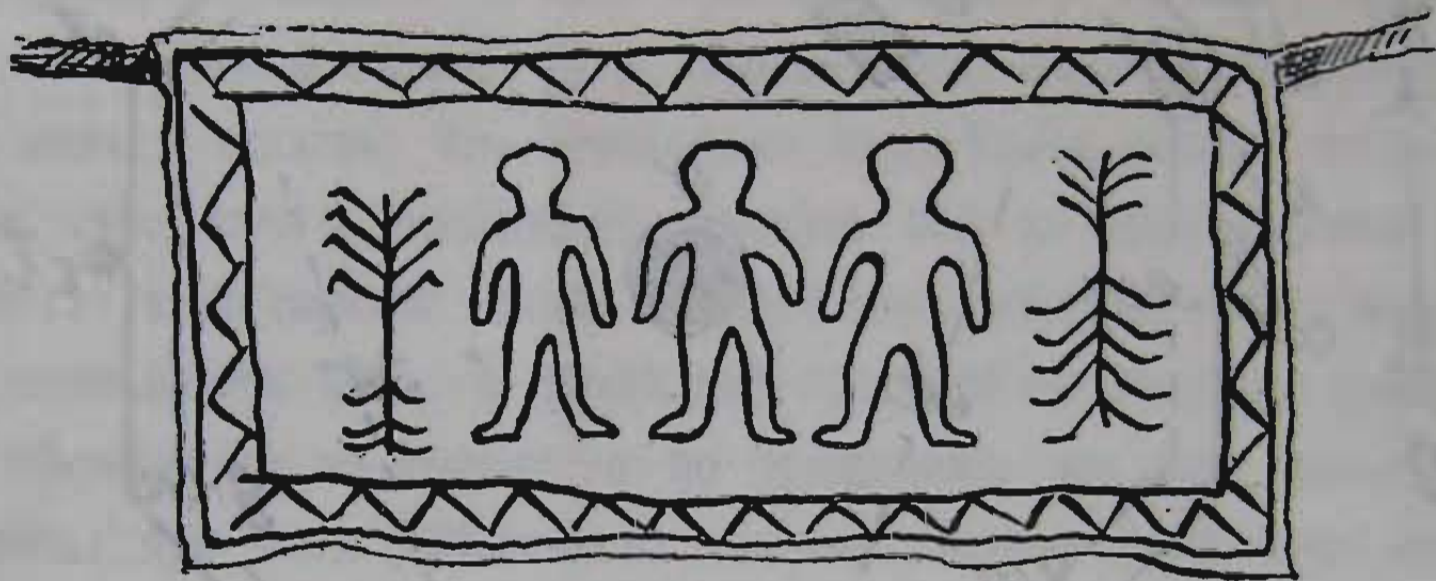

ящ—ящикъ съ имуществомъ; *о*—очагъ; *кр*—постель хозяина; *g-ск*—разный домашній скарбъ; *м*—мужская сторона; *ж*—женская и *б*—мѣсто небогатыхъ и непочетныхъ посѣтителей юрты; *d*—почетное мѣсто и столикъ; *i*—мѣсто иконы. Амулеты: *tt*—тилек-төс; *jt*—джалбак-төс; *et*—эвекэй-төс; *at*—аба-төс; *kj*—кызылжалама и *at*—ас-төс.

шир.)—это и есть жалбак-төс. На холстѣ по срединѣ самымъ примитивнымъ образомъ нарисованы красной краской (преимущественно охрой, добываемой въ ближайшихъ горахъ) 3 человѣческихъ фигуры; съ обоихъ боковъ ихъ изображены 2 березы: справа—корнемъ внизъ и слѣва—корнемъ вверхъ. По борту холста намалеванъ на манеръ рамы узоръ. Одинъ экземпляръ этого

¹⁾ Я долженъ сказать, что безъ знанія туземнаго языка и болѣе или менѣе обстоятельнаго изученія шаманства рѣшительно невозможно выдавать предлагаемыя объясненія инородцевъ за достовѣрныя.

амулета сдѣланъ для меня шаманкой и на немъ изображены женскія фигуры, на другихъ же двухъ—мужскія. Надъ головой каждой человѣческой фигуры пришиты кусочки парчи и собольей шкурки, изображающіе будто бы шапки. За правый ремешекъ, пришитый къ верхнему углу амулета, прикрѣпленъ маленькій деревянный обручекъ (бубенъ шамана), такая же колотушечка и кусокъ парчи. Полезенъ этотъ тѣс при грудныхъ болѣзняхъ, колотыи въ боку и проч.; кормить его шаманчикъ молокомъ. Одинъ экземпляръ изъ добытыхъ мною настолько забрызганъ молокомъ, что имѣеть толстую кору и изображенія на холстѣ едва можно разобрать. 3) Съ правой стороны отъ входа по-за ящиками на полу юрты стоитъ эвекэй-тѣс, состоящій, какъ первый амулетъ изъ палки съ рогульками, но всего сант. въ 50 длиною; на рогуль-

«Јалбак-тѣс».

кахъ также козій ремешокъ; но на этомъ послѣднемъ кусокъ козлиной шкурки и также 4 изъ овечьей шерсти косы шайтана; немного ниже на палку повязана желтенькая ленточка (опояска шайтана). Употребляется при дѣтскомъ поносѣ и вообще полезенъ для дѣтей; кормится вареной щучьей головкой. 4) На изгородяхъ (на поскѣтинахъ) или на деревьяхъ подальше отъ юртъ, чтобъ женщины не могли прикасаться (онѣ даже не должны произносить имени этого амулета) привязывается шнурками изъ конскаго волоса и льгѣр пльах—тѣс; состоитъ онъ изъ палки съ рогульками, къ которымъ волосяными шнурками прикрѣплена бѣлая (ак, ах) заячья головка. Палка вмѣстѣ съ заячьей головкой вталкивается въ берестяной мѣшокъ, сшитый волосяными нитками, величина мѣшка сант. до 25 длины и до 20 шир. Отѣхавши отъ одного улуса съ версту, я увидалъ на изгороди такой тѣс; думая что онъ уже не имѣеть религіознаго значенія, такъ какъ казался очень старымъ и какъ-бы заброшеннымъ, я положилъ его тотчасъ-же въ тарантасъ; но инородцы увидали съ крыши избы и двое изъ нихъ нагнали меня верхами и потребовали возвратить покражу. 5) Въ юртѣ надъ дверью съ лѣвой стороны привѣшиваютъ на ремнѣ

лапу медвѣдя (аба) — аба-тос, посвященный «дверному хозяину», въ сагайскомъ прокопьевскомъ ул. передавали, что если затруднительно достать лапу медвѣдя, то вырѣзаютъ изъ дерева ея подобіе. 6) У шаманки Солберек я приобрѣлъ амулетъ, названный ею также аба-тос, но состоятъ онъ изъ желѣзнаго кольца съ привязанными къ нему ремешкомъ куска медвѣжьей шкурки и длинной ленты изъ синей дабы; подвѣшенъ онъ былъ справа внизу у двери. 7) Снаружи юрты, съ южной стороны, приставляется палка (такой же длины какъ у тилек-тос) съ прикрѣпленными въ ея концу, при помощи козьяго ремешка, холщевой и дабовою тряпичками—это будетъ ас-тос; онъ имѣетъ какое-то отношеніе къ языку. 8) Тамъ-же приставляется подобный-же амулетъ; но къ концу палки прикрѣпляется нитками изъ воловьихъ жилъ красная и бѣлая тряпичка—это кызыл-ја-лама. Последніе два амулета, какъ выразилась шаманка, живутъ вмѣстѣ; но встрѣчаются, я думаю, весьма рѣдко. Говорили мнѣ еще про кус-тос, не добытый мною; это изображеніе какой-то птицы изъ тополевои коры, утыканное перьями; онъ также имѣетъ отношеніе къ языку, и шаманка замѣтила, между прочимъ, что языкъ у него черный ¹⁾. Въ юртѣ качинскаго головы видѣлъ я большую березку, сплошь увѣшанную разноцвѣтными тряпичками; но о значеніи этихъ значковъ и названіи ихъ не удалось добиться никакого объясненія. Къ потолку почти во всѣхъ юртахъ прикрѣплены, иной разъ, не одинъ десятокъ грудныхъ птичьихъ костей, главнымъ образомъ отъ тетерева; имѣютъ-ли онѣ какое-либо символическое значеніе, инородцы не могутъ сообщить; отвѣтъ-же, что босочки встрѣчаются только у охотниковъ и подвѣшиваются для красоты не удовлетворителенъ, ибо онѣ находятся и не въ охотничьихъ мѣстахъ.

Роль шамановъ у качинцевъ, какъ и у другихъ сибирскихъ шаманистовъ ²⁾, обуславливается главнымъ образомъ своеобразными взглядами ихъ на болѣзнь и смерть, зависящими не отъ естественныхъ причинъ, а производимыми злѣйшими изъ духовъ—айна. Болѣзни происходятъ въ силу того, что айна поселяется въ тѣлѣ больного и производитъ страданія; когда-же айна похищаетъ душу (вуд) человѣка, то происходитъ смерть. И вотъ призванный къ больному, камъ предварительно ворожитъ по трещинамъ на бараньей лопаткѣ (см. ранѣе). Если болѣзнь не серьезна, то онъ, даже не одѣвая своего спеціального костюма, стегаетъ больного (накрытаго шубой) вѣткой боярышника ³⁾ и затѣмъ,

¹⁾ По словамъ Клеменца (Изв. В. С. О. Геогр. О., т. XXIII, № 4), «у каждого тос-я свой языкъ».

²⁾ Михайловскій. Шаманство, стр. 26 Труды М. Общ. люб. естеств. антропологій и этнографіи.

³⁾ Боярышникъ играетъ роль въ шаманскихъ воззрѣніяхъ и другихъ народностей.

отворивши дверь, машет вѣткой по воздуху, изгоняя такимъ образомъ айну даже и изъ самой юрты. Съ айной, повидимому, вообще не церемонятся и изводятъ его, чѣмъ только можно. Въ серьезныхъ случаяхъ шаманъ начинаетъ съ наступленіемъ ночи свой обрядъ; но иногда шаманъ заявляетъ, что отвѣтъ можетъ быть данъ только по прошествіи ночи, надѣясь во снѣ получить тѣ или иные указанія. Известно, что снамъ все шаманисты придаютъ большое значеніе. Душа качинскаго кама во время сна вообще путешествуетъ. Если качинецъ спитъ въ юртѣ шаманщика и услышитъ шорохъ бубна (лѣтомъ бубень очень сухъ, и резонансъ въ немъ можетъ быть отъ движенія какого-либо насѣкомаго), то думаетъ, что душа спящаго хозяина полетѣла съ бубномъ. Крикъ ворона или филина считается за голоса духовъ, и при появленіи той или другой птицы близъ юрты, что по всей вѣроятности связано и съ путешествіями шаманской души, бросаютъ въ нихъ пепломъ съ очага. Если качинцу, какъ утверждаетъ М. И. Райковъ, приснится какой-либо недавно умершій родственникъ, то онъ думаетъ, что его ждуть въ загробномъ мірѣ, что онъ скоро умретъ.

Если шаманчикъ узнаетъ во снѣ, что душа больного должна быть взята айной, то онъ можетъ вступить съ послѣднимъ въ переговоры и предложить ему, если онъ не великодушенъ, взять душу у его — шамана — недруга. Иной камъ для выполненія своего обряда приказываетъ привязать близъ юрты какое-нибудь животное — корову, овцу, доставить ему то или другое растеніе или змѣю черную, желтую или сѣрую, — тогда посылаются гонцы; играетъ также при шаманствѣ роль и щука.

Каждый шаманъ имѣетъ своихъ духовъ — служителей; такими помощниками у хорошаго шаманщика могутъ быть даже и духи — хозяева горъ и пр. Именуются все они, къ какой бы категоріи ни принадлежали, тѣ же. Шаманскій обрядъ ¹⁾ происходитъ только ночью. Относительно шаманскаго костюма я не могу вполне согласиться съ описаніемъ г. Каратанова (Изв. Г. Общ., т. XX); но въ общемъ его описаніе шаманства относится и до качинцевъ. Одежда шаманщика — это коротенькая, легкая, изъ телячьей или изъ козьей шкурки, шуба съ застежками напередѣ; но благодаря всевозможнымъ привѣскамъ и цѣлой массѣ длинныхъ лентъ, часто волочащихся по землѣ еще и съ шаркунчиками на концахъ, одежда становится тяжелой. Все эти привѣски прикрѣплены только къ задней части одежды, передъ же остается свобод-

¹⁾ Я уже упоминалъ, что мнѣ не удалось присутствовать при шаманскомъ обрядѣ; только въ ул. Усть-Сайгачи старый шаманчикъ съ характерной и выразительной физиономіей Ваньча Дѣшинъ показалъ мнѣ нѣсколько туровъ своей дикой пляски. Поэтому и ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями.

нымъ; спина близъ ворота ушита ракушками. Ими же изукрашена и шапка, но она, насколько я знаю про качинскихъ шамановъ, дѣлается изъ краснаго сукна на манеръ скуфьи. На ея вершукѣ прикрѣпляется филиновый хвостъ, а спереди иногда и филинова голова; на лицо шаманщика спускаются разноцвѣтныя ленточки, нашитыя по краю шапки; назади небольшой разрѣзъ и завязки. На широкихъ лентахъ, спускающихся со спины, иногда нашиты изъ черной матеріи вырѣзанныя изображенія человѣчковъ, лошади, птицы. Надо думать, что всякій шаманщикъ включаетъ тѣ или иныя варіаціи при украшеніи костюма. Бубенъ я добылъ какъ разъ отъ сагайцевъ, и онъ кромѣ желѣзнаго прута имѣетъ на внутренней сторонѣ и перекрестный деревянный брусь, приспособленный для захватыванія рукой; на желѣзномъ же прутѣ понавѣшаны колокольцы, желѣзные кольца и конусовидныя подвѣски и даже мѣдное колечко (русской работы) съ какой-то евангельской надписью. По внутренней сторонѣ деревянной обичайки болтаются серповидныя желѣзныя пластиночки. Объясненіе рисунковъ на бубнѣ записано только г. Клеменцемъ (Зап. В. С. О. Геогр. Общ. по этнограф., т. II, вып. 2, Ирв. 1890 г.).

Помѣстившись въ юртѣ съ мужской стороны на бѣлый войлокъ, камъ бросаетъ въ костеръ траву и рбѣн (см. ранѣе), окуриваетъ ею свои принадлежности и подсушиваетъ надъ огнемъ свой тюръ (бубенъ). Сначала онъ, какъ обыкновенно, разговариваетъ и шутитъ съ присутствующими; затѣмъ прощается и начинаетъ свои дѣйствія. Свистомъ и ударами въ бубенъ шаманщикъ сзываетъ своихъ слушателей и отправляется съ ними къ тому или другому духу, въ то или иное мѣсто и тамъ разными ухищреніями старается достигъ цѣли. Въ промежуткахъ между различными путешествіями, камъ считаетъ нужнымъ заручиться расположеніемъ «духа огня» и восхваляетъ также своихъ пособниковъ, перечисляя замѣчательныя качества ихъ. Угощаетъ онъ ихъ также и аракой, причемъ, выпивши изъ поданной ему чашки, остатки выплескиваетъ на огонь и отбрасываетъ чашечку въ сторону; если она падаетъ открыто, нужно еще араки. Есть юмористы шаманщики: такъ передаютъ про нѣкоего Апчайку, который не самъ пьетъ во время обряда, а приказываетъ подавать какому-нибудь старику; подъ утро опьянѣвшій старикъ засыпаетъ, и шаманщикъ, окончивъ свои дѣйствія, насмѣхается: «Ловко онъ съ чертями то нализался!..» Этотъ же Апчайка, когда нѣкіе русскіе увѣряли, что шаманъ не можетъ остановиться, не окончивъ своего обряда, отвѣтилъ имъ: «... Да что—середка воды что ли, что нельзя остановить?!» подразумеваемая быстрое теченіе Абакана, «бросилъ бубенъ, да и все тутъ! Вѣдь нашъ братъ-инородецъ дуракъ—можно хоть два дня подъ рядъ дурачить!..» Этотъ же шаманщикъ давалъ свое представленіе передъ однимъ изъ

архіереевъ, и черезъ полчаса, по знаку послѣдняго, бросилъ бубенъ и получилъ цѣлковый на водку.

Начиная съ Гмелина, Крашенинникова и кончая отзывами проф. Позднѣева, Пешеля и др., все говоритъ за то, что шаманы не что иное, какъ религіозные фокусники, фигляры и проч. Конечно, здѣсь немало шарлатанства, но изъ всѣхъ этихъ крайнихъ отзывовъ какъ будто вытекаетъ, что шаманы, будучи развитѣе и не вѣруя въ существованіе духовъ, обманываютъ своихъ соплеменниковъ; на самомъ же дѣлѣ шаманы также суевѣрны и невѣжественны, какъ и прочіе ¹⁾).

Нѣкоторые качинцы передавали, что также не вѣрятъ въ силу шамановъ. Молодой Гр. Ив. Инкежековъ (ул. на р. Барѣ) рассказывалъ мнѣ, какъ онъ поссорился съ молодымъ же шаманомъ Одежкинымъ изъ-за какой то широколицей красавицы и въ отметку—пробрался въ юрту шамана и исполосовалъ ножомъ кожу на его бубнѣ. Шаманщикъ побѣждалъ «наслать болѣзнь», но съ того времени благополучно прошло уже два года. Однако рассказчикъ тотчасъ же приводитъ и другой фактъ, объясненіе которону онъ не можетъ найти. Одинъ молодой качинецъ сдѣлался совершенно ненормальнымъ и нигдѣ не могъ найти себѣ покоя: онъ видѣлъ страшные сны, съ нимъ бывали припадки. Старуха-мать обратилась къ знаменитому каму, и тотъ посоветывалъ ея сыну изучать шаманское искусство. Иностранецъ послушался; камское занятіе пришлось ему по душѣ, и онъ избавился отъ болѣзней. Старый качинецъ, отецъ помянутаго шаманщика Одежкина, въ положительномъ и серіозномъ тонѣ завѣрялъ, что его сынъ не «морочить» людей, какъ многіе думаютъ, а «держитъ одѣжу для себя... хвораетъ, а какъ надѣнетъ ее, такъ ему и легче станетъ».

По выводамъ г. Михайловскаго (Шаманство), появленіе массы эффектовъ въ одеждѣ и въ дѣйствіяхъ, встрѣчающееся у всѣхъ шамановъ, есть результатъ скептицизма, подрывавшаго увѣренность шамановъ въ себя самихъ подъ напоромъ новыхъ религіозныхъ ученій и цивилизаціи. По словамъ качинцевъ, бубновъ будто бы ранѣе не было и еще не въ далекомъ прошломъ хорошіе шаманы ихъ не употребляли. М. Ив. Райкову нѣсколько лѣтъ назадъ приходилось видѣть пользовавшагося славой старика, шаманившаго безъ бубна; онъ не пускался въ дикую - бурную пляску, и у него даже не было сильныхъ вздрагиваній; изгонявшіеся изъ больного духи вгонялись въ животныхъ.

¹⁾ «Передъ ними, говоря словами г. Михайловскаго (Шаманство), раскрывается та же бездна невѣдѣнія, ихъ гнететъ страхъ передъ тѣми же таинственными, незвѣстными, но могучими силами, что и прочихъ шаманистовъ».

Качинскіе шаманчики, какъ и у другихъ сибирскихъ народностей, въ повседневной жизни ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ инородцевъ (развѣ только, что шаманы носятъ на шеѣ бусы); но живутъ очень не богато, въ маленькихъ и дрянныхъ юртахъ.

Какъ передаютъ, у качинцевъ молодые люди, посвятившіе себя шаманству, не идутъ въ ученіе къ каму, какъ у алтайцевъ напр. (Потанинъ), а уже заранѣе, въ силу своей незаурядной наблюдательности, изучаютъ какъ всю обрядовую сторону камскаго искусства, такъ и нацѣвы; затѣмъ понемногу упражняются. Однако это заявленіе требуетъ провѣрки.

Хоронятъ качинцы своихъ шаманчиковъ возможно далѣе отъ жилищъ и отдѣльно отъ прочихъ смертныхъ; по словамъ одного инородца, шаманы не велятъ себя хоронить вмѣстѣ съ другими, чтобъ не лишиться своей силы. Одежду и бубенъ развѣшиваютъ на деревья и, повидимому, въ совершенно отдѣльномъ мѣстѣ отъ могилы; причемъ кожу бубна пробиваютъ. Мнѣ сказывали, что де въ прошломъ году не далеко отъ Абаканской Управы у поскотины на кустѣ висѣла камская одежда. Завѣдующему Минус. Муз. Н. М. Мартьянову нѣсколько лѣтъ тому назадъ попалась такая одежда на одномъ изъ острововъ по Енисею (подарена г. Мартину для Стокгольмск. Муз.). Но насколько обосновано утвержденіе г. Каратанова, хотя бы и по отношенію къ инородцамъ Степной Думы, о привязываніи умершаго шамана къ лѣсинѣ или о похоронахъ его на высокомъ помостѣ, а не въ землѣ, я не знаю; но думаю, что это нуждается въ серьезной провѣркѣ.

Похоронные обряды надъ простыми смертными описаны г. Каратановымъ и, по моему мнѣнію, ихъ одинаково можно отнести и къ качинцамъ съ нѣкоторыми добавленіями. По утверженію качинца М. И. Райкова (Спб. В., 94 г. № 110), его сородичи ясныхъ представленій о загробной жизни не имѣютъ; однако г. Поповъ приводитъ и иные факты. Души покойниковъ, по мнѣнію качинцевъ, пріобрѣтаютъ свойства айны и дѣйствуютъ наравнѣ съ этими духами, радуясь смерти какого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. На седьмыя сутки послѣ смерти человѣка, айны посылаютъ его душу въ улусъ привести еще какого-нибудь родича; но это ей не удается. Къ ночи по дорогѣ отъ могилъ къ улусу, гдѣ должна пройти тѣнь (сѹне) покойника, становятся нѣсколько мужчинъ съ ружьями; какъ только кому-нибудь изъ караульчиковъ померещится въ темнотѣ ожидаемая «тѣнь», они даютъ по этому направленію залпъ и послѣ этого улусъ можетъ быть спокойнымъ. Теперь этотъ обычай продѣлывается только по отношенію къ старымъ людямъ. Въ первое время послѣ похоронъ покойника, его родственники во время трапезы выплескиваютъ черезъ верхнее отверстіе юрты молоко или

вино (для старыхъ), совершенно также какъ это дѣлаетъ шаманъ при жертвоприношеніи духамъ (Райковъ). По словамъ же послѣдняго, онъ еще въ дѣтствѣ разъ видѣлъ, какъ одна старуха, по смерти мужа, зачерпнула полный ковшъ араки и выплеснула въ отверстіе юрты, приговаривая: «Тк, Том!» (Жри, Том!). При этомъ и ея приемы и тонъ показывали, что она угощаетъ тѣнь мужа отнюдь не изъ почтенія, а изъ боязни, чтобъ она не увела ея дѣтей.

Гробъ предварительно покрывается берестой, сверху чего накладываются доски, и затѣмъ уже могила забрасывается щебнемъ или землей.

При моихъ поискахъ за черепами, мнѣ не разъ приходилось натываться въ могилахъ на обломки деревянныхъ чашекъ или какой-нибудь стеклянной посуды; по словамъ аскыскаго священника, богатые кладутъ съ покойникомъ сѣдло, но предварительно разрубаютъ его на нѣсколько кусковъ. Извѣстно также, что на поминкахъ считаются куски мяса, и даже иногда специально для этого бьютъ коня (койлаг'а). Все это можетъ говорить за существованіе и у качинцевъ воззрѣнія, извѣстнаго у многихъ другихъ народностей, что душа покойника можетъ воспользоваться тѣми или иными предметами, если они принимаютъ иной видъ, чѣмъ на землѣ.

Если умираетъ послѣдній обладатель юрты, то ея остовъ также отвозится вмѣстѣ съ покойникомъ и бросается на могилѣ; но телѣженка (обыкновенно берется самая дрянная) или розвальни бросаются не на могилѣ, а гдѣ-нибудь по дорогѣ. И если они еще пригодны для ѣзды, то ихъ притаскиваютъ обратно въ улусъ черезъ 40 дней.

Кладбища имѣетъ оригинальный видъ: въ большинствѣ ея забросанныя могилки съ высунувшимися изъ-подъ земли колодинами или ящиками, кусками бересты, а въ старыхъ могилахъ даже и съ обнаруживающейся изъ-подъ гнилушекъ одеждой покойника, ютятся среди громадныхъ древнихъ кургановъ, могучихъ, долговѣчныхъ. Тутъ же валяются остатки недавняго ширванія: оглоданныя кости, обломки посуды, куча жженныхъ костей еще недавно рѣзваго бѣгуна. Гдѣ стоитъ крестъ, сдѣланный самымъ примитивнымъ образомъ, а гдѣ торчитъ жердь, украшенная конскимъ черепомъ съ обуглившимся позвоночникомъ и иной разъ съ влочьями хвоста.

Процентъ отпѣваній взрослыхъ по обычаю церкви не выше 3—4.

Миссіонерская дѣятельность.

Общая характеристика миссіонерскаго дѣла на Руси достаточно извѣстна всѣмъ¹⁾, и въ Минусинскомъ краѣ она не отстаетъ отъ общаго правила. Мнѣ

¹⁾ Не совсемъ такъ. Впрочемъ въ одной изъ слѣд. книжекъ мы познакомимъ читателей съ трудами Алтайскаго миссіонера протоіерея В. И. Вербickaго. *Ред.*

сказывали, что среди качинцевъ всё болѣе распространяется недавно появившаяся легенда, будто одного благочиннаго-протоіерея, рѣзко относившагося къ шаманщикамъ въ нѣсколькихъ улусахъ, на обратномъ пути разнесли лошади и жестоко зашибли. Защитники шаманизма хотятъ этимъ сказать, что камы имѣютъ такое же фактическое право на существованіе, что и миссіонеры. Шаманство и его безотрадныя послѣдствія могутъ исчезать только подъ напоромъ поступательнаго хода просвѣщенія; тѣмъ не логичнѣе тактика свящ. с. Таштыпскаго о. Павла Силина, причисляющаго себя также въ миссіонерамъ: онъ говоритъ инородцамъ, что имѣетъ «бумагу» и на этомъ основаніи разгоняетъ собравшихся на празднество и отбираетъ бубны. Минус. Музей имѣетъ отъ него до десятка этихъ трофеевъ. Собственно миссіонерствъ считается 4: среди качинцевъ 1) съ резиденціею въ Уст.-Абаканской инородной управѣ съ 2300 прихожанъ (и до 2200 женщинъ); 2) съ резид. въ улусѣ Снявьянскомъ на р. Нинѣ, образованное въ концѣ 1893 года, съ кол. прихожанъ до 2000 муж. п. Среди инородцевъ Степной Думы—3) съ резид. въ с. Аскыскомъ съ 5 т. муж. полааи приблизительно столько же женскаго; 4) съ резид. въ с. Усть-Есиномъ, гдѣ священникъ изъ алтайскихъ инородцевъ, съ числомъ душъ, вѣроятно, вдвое меньшимъ Аскыскаго. Исключая послѣдняго, миссіонеры не знаютъ туземнаго языка, а съ такимъ сложнымъ и серіознымъ явленіемъ, какъ шаманство, они всё знакомы лишь по наслышкѣ. Миссіонеръ о. Василій Суховскій служитъ въ с. Аскыскомъ 20 лѣтъ.

Въ журналѣ «Миссіонеръ» за 1876 г. между прочимъ находимъ свѣдѣнія о крещеніи инородцевъ въ с. Аскыскомъ преосвящ. Антоніемъ, епископ. Енисейскимъ и Красноярскимъ Окрещено 3003 язычника и изъ нихъ болѣе 600 шамановъ; всё мужчины названы Владимірами, а женщины—Маріями. Надо думать, что здѣсь произошла крупная ошибка, благодаря неточнымъ указаніямъ со стороны писаря, представленнаго за свое содѣйствіе къ ордену Владиміра, но теперь сосланнаго въ Якутскую область за чрезмѣрные поборы. Не принимая даже въ расчетъ того, что шамановъ труднѣе убѣдить креститься, чѣмъ прочихъ инородцевъ, и взявши указанное отношеніе—на каждыхъ 5 инородцевъ одинъ шаманчикъ, находимъ число послѣднихъ въ Минус. краѣ болѣе 5000; но врядъ ли ихъ и сотня наберется.

Отмѣчу также и тотъ фактъ, что случается у инорода два христіанскихъ имени, что онъ объясняетъ двукратнымъ крещеніемъ «при двухъ архіереяхъ».

Въ приходѣ Аскыскаго миссіонера приходилось на годъ по обряду церкви до 20—25 браковъ. Въ нынѣшнемъ году послѣдовало разрѣшеніе

Св. Синода о вѣнчаніи браковъ и въ улусахъ, и тотъ же миссіонеръ за апрѣль и май совершилъ до 360 обрядовъ бракосочетанія.

Въ заключеніе я приведу только что присланныя мнѣ (отъ іюля 1895 г.) краткія офиц. свѣдѣнія о миссіонерскомъ дѣлѣ Абаканской инор. Управы: По росписямъ числится 4500 душъ об. пола.

Количество рожденій: до 150 мальч. и до 160—170 дѣв. въ годъ. По церковному обряду крестятъ ежегодно въ среднемъ: до 30—однонедѣльнаго возраста, 100—до 3-хъ мѣс. возр., 40—до 6 мѣс. в., 30—до 1 года, 30—40 до 3-хъ лѣтн. возр. и 5—10 свыше 3-хъ лѣтнаго до 14 лѣтн. Всего же % 65—70.

Некрещеныхъ дѣтей разнаго возраста по приходу до 80 человѣкъ.

Ежегодная смертность въ приходѣ до 120 человѣкъ.

Отпѣваній по церк. обр. % 25, но значительнѣйшая часть какъ смертности такъ и отпѣваній приходится на долю дѣтей.

Браковъ бываетъ до 70 въ годъ и отъ 10 до 15% по христіанскому обычаю.

Затѣмъ приложены свѣдѣнія о наиболѣе распространенныхъ болѣзняхъ. Главнѣйшими считаются горячка или инфлуенца и всевозможныя разстройства желудка (преимущ. отъ аракі); далѣе идутъ по степени распространенности: глазныя болѣзни, сифилисъ и чахотка. Изъ дѣтскихъ приводятся: поносъ, оспа, родимчикъ, рахитизмъ и золотуха.

II. Островскихъ.